

КИРА ФАРДИ

Тылающие
СЕРДЦА

Кира Фарди

Пылающие сердца

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67798191*

Аннотация

Веселая студенческая свадьба подружки закончилась для меня неожиданным подарком: через девять месяцев родилась дочь Милаша. Только кто ее отец, я не знаю до сих пор. А тут под ногами путается доктор Вихров, которого я возненавидела с первого взгляда. И почему его голос кажется мне знакомым? Ничего не понимаю!

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	17
Глава 3	31
Глава 4	46
Глава 5	59
Глава 6	73
Глава 7	86
Конец ознакомительного фрагмента.	95

Кира Фарди

Пылающие сердца

Глава 1

– Солнышко, иди ко мне.

Я зарываюсь носом в волосы моей богини, вдыхая восхитительный запах, а потом разворачиваю ее лицом к себе. Она открывает голубые глаза, ещё мутные, без фокуса, тронутые дымкой сна, и хлопает длинными ресницами.

– Жень, отстань.

Взгляд Ляльки уплывает, она пытается высвободиться из моих объятий, но я не пускаю.

– Не хочу!

Я откидываю ее волосы и касаюсь губами ямки на шее. Жена вздрагивает и выгибает, как кошечка, спину. Ее твёрдые соски упираются в мою грудь сквозь серебристую ткань ночного топа. Это сводит меня с ума. Я отодвигаю бретельку и касаюсь соска языком, а потом втягиваю его в рот и сосу, сосу, как младенец, подталкивая подбородком грудь снизу.

Вкусно. Сладко. Томление разливается по всему телу.

Жена стонет и гладит меня по плечам, груди, животу. Ее движения беспорядочные, она вся во власти наслаждения, но колено уже проскальзывает между моих бёдер и начинает

свою работу.

Я радуюсь: моя Лялька никогда не отказывается от утреннего секса, и уже смело впиваюсь губами в ее соблазнительный рот.

– Я тебя ненавижу! – сквозь поцелуй выдыхает жена.

Но ее тело говорит о другом. Оно пышет жаром, от которого, как спичка, вспыхиваю и я. Ее шаловливая рука тербит резинку боксеров, ещё секунда, и я набрасываюсь на Ляльку по-настоящему.

– Неужели ненавидишь? – отрываюсь от сладких губ на секунду, но тянусь снова.

– Точно-точно! – жена упирается в мою грудь ладонями с ярким маникюром, ещё пытаюсь остановить неизбежное.

– А я тебя люблю, – силой притягиваю Ляльку к себе и целую в закрытые глаза, щеки, кончик носа.

Она пахнет ночным кремом, шампунем и юностью – такой сладкий и сексуальный запах, что от нежности щемит сердце, и выворачивается наизнанку душа. Я с ума схожу от этих чувств, сравнимых лишь со сладким пленом. Хочется всегда быть рядом и, словно в бреду, повторять родное-родное имя:

– Лялька! Моя Лялька!

Я срываюсь. Крохотные трусики летят на пол, мои боксеры – туда же. Одним движением стягиваю с жены топ, подминаю ее под себя и вхожу одним сильным и резким толчком. Она рвётся мне навстречу и хрипло стонет:

– Ещё! Давай! До конца! Ещё!

Лялька всегда выкрикивает эти слова, а я завожусь ещё больше и превращаюсь в ненасытного зверя.

– Ж-е-е-е-ька, – прерывисто, задыхаясь от страсти, тянет она и закусывает зубами нижнюю губу. – Давай-давай!

И я даю. По-настоящему, с отмашкой, так, что стонет и трясётся кровать. Лялька приподнимает ноги и кладёт мне на плечи. Я делаю несколько движений у самого края, щекочу, раздражаю эрогенные зоны, а потом резко врываюсь в глубину. Лялька вскрикивает и запрокидывает голову. Ее рот открыт, дыхание вырывается с хрипом.

– Ещё! Ещё!

Я повторяю сладкую экзекуцию, наблюдаю за лицом жены, жду первых признаков надвигающегося оргазма. Я ещё не готов, но это не важно. Главное, Лялька. Если ей хорошо, я счастлив. Наконец хриплый стон вырывается из ее горла, длинные ногти впиваются в мою спину, бедра содрогаются от сладострастных волн.

Самый благодный миг!

Теперь можно и мне. Я переворачиваю Ляльку на живот, приподнимаю ее бедра и вхожу сзади. Несколько глубоких движений, и разряд тока ударяет по всему телу. Сегодня он очень мощный. Тело напрягается, а из горла вылетает стон.

Хорошо! Боже! Как хорошо!

На несколько секунд замираю в таком положении. Лялька подо мной начинает крутиться. Я падаю на кровать рядом с женой и притягиваю ее к себе.

– Ты нехороший мальчишка, – капризным голоском говорит она и очерчивает подушечкой пальца мои губы.

Щекотно. А еще опять рождается желание.

Но больше нельзя, иначе я опоздаю на работу. Увы, нужно вставать, хоть и не хочется.

– Поспи ещё немного, солнышко.

– Жень, ты сегодня в отгуле?

– Нет. Сейчас уйду, заряжаюсь энергией от моей сладкой девочки.

– Я-то думала..., – Лялька обиженно натягивает на себя одеяло.

Я ушёл в ванную.

Контрастный душ и ароматный гель мгновенно привели меня в чувство. Пока мылся, прокручивал в голове план на ближайшие тридцать шесть часов. Сначала консультация в поликлинике, потом обход больных в стационаре, плановые операции, а ночью – дежурство в приемном покое. Домой вернусь только через полутора суток.

Я понимал обиду Ляльки. Молодой жене хочется, чтобы ее любимый муж был рядом.

– Так и знай, ты придёшь домой, а меня уже нет! – кричит Лялька, но, как мне кажется, уже беззлобно, только для того, чтобы последнее слово осталось за ней.

– Тебе кофе сварить? – я выглядываю из кухни: в моей однокомнатной берлоге все на расстоянии вытянутой руки.

Лялька показывает мне розовый язычок. Она уже приня-

ла душ и стоит перед распахнутой дверцей шкафа: выбирает наряд. Ее волосы сияют каплями воды в лучах утреннего солнца, щеки наливаются румянцем. Жена натягивает на себя футболку, которая не скрывает аппетитную попу в крохотных кружевных трусиках, едва висящих на бёдрах, отчего виднеются ямочки.

Черт! Как не вовремя! Жаром обдаёт тело, а в джинсах становится тесно. Моя Лялька – аппетитная штучка, будит во мне желание с полуоборота даже спустя год брака.

– Не хочу.

– Ну и ладно. Я не буду плакать!

– Ты счастлив? Как можно! – взлохмаченная светлая голова показалась из-за дверцы.

– А что я должен делать?

– Хотя бы извиниться!

– Но за что? За то, что иду в клинику зарабатывать моей лапуле на шпильки?

Я прихлебываю кофе и дразню Ляльку. Ее детская обида забавляет меня и наполняет тёплым чувством душу. Все дежурство я буду поглядывать на часы и ждать момента возвращения домой.

– Вот именно на шпильки, – теперь Лялька надулась окончательно. – Папа давно зовёт тебя к себе в компанию. Мог бы и не сопротивляться.

А вот это уже удар ниже пояса. В груди ворочается раздражение, а если я нервничаю, то начинаю активно что-то

делать или считаю про себя: «Раз, два, три...». Это помогает привести мысли в порядок и не сорваться.

– Оля, – когда злюсь, называю жену именем, записанным в паспорте, – я торакальный хирург. Учился до хрена лет, чтобы спасти людей. Тебя тоже, кстати, спас. И ты хочешь, чтобы я перебирал бумажки в офисе твоего отца? Нет уж! Я, конечно, уважаю Александра Ивановича, но не настолько, чтобы бросить любимое дело.

– Вихров, не кричи на меня! Ты опять исчезнешь на сутки, а я сижу одна в четырёх стенах.

– Я не кричу. Оля, пойми, я не выбирал режим работы. Профессия у меня такая. Я не должен сидеть в кабинете. Операционная – моя жизнь. Естественно, что я дежурю в стационаре.

– Но ты же обещал!

– Оля, не начинай снова...

* * *

Это разговор у нас с женой возникал периодически, когда мне нужно было заступать на подменное дежурство в ночную смену. Лялька изводила меня своей ревностью. Ей почему-то казалось, что в промежутках между операциями мы, врачи, обязательно трахаемся с медсёстрами.

– Я видела, как смотрит на тебя та рыжая стерва, – утверждала она.

— Какая? — не понимал, о ком идет речь, я.

— Ну, та, с кудряшками.

— А, Антонина Степановна? Она старшая медсестра. У нее муж и трое детей.

— И что? Когда муж и дети были помехой для левака?

— Фу, Оля! Как грубо! Я даже представить не могу, чтобы из твоего прелестного ротика вырывались такие мерзкие слова.

— Я тоже человек!

Увы, жена была недалёка от истины. На работе случались такое. В бытность свою интерном я любил ночные смены. В свободные минуты врачи и медсестры собирались в ординаторской на чай. Мы болтали, смеялись и от общности дела, невольной близости чувствовали притяжение. Каждое случайное касание, каждый взгляд будили желание, которое, бывало, удовлетворялось в подсобках.

Особенно привлек всеобщее внимание случай общего хирурга Олега Масленникова. Он влюбился без памяти в зеленоглазую медсестру. Мог во время дежурства искать для любимой подарки или цветы, шептаться с ней по углам, а на свет божий выбирался только по срочному звонку и с абсолютно шальными глазами. Я смотрел на него и понимал: человек живет в раю.

За романом коллег с неодобрением и любопытством наблюдала вся больница. Друзья пытались предостеречь Олега от совершения ошибки, потому что влюбленные к момен-

ту знакомства были в благополучных браках, имели детей. Но никто не смог остановить влюбленных. Они ушли из семей, чтобы жить вместе.

Их счастье продолжалось ровно полгода. Любовь, вспыхнувшая с запредельной силой, не выдержала атаки родственников, брошенных супругов и детей. Медсестра от переживаний похудела до истощения, а красавец Олег превратился в тень самого себя. Он с трудом справлялся с работой. Отец его жены надавил на нужные связи, и Олегу закрыли доступ в операционную.

Пара вынуждена была расстаться. Олег вернулся в семью, а зеленоглазая медсестра уехала к родителям в другой город.

Эта бесславная история случилась в нашей больнице несколько лет назад, но все помнили о ней, как о прецеденте, который не должен повториться.

Сейчас я относился к случайным связям совершенно по-другому. Женатый мужчина, любящий свою жену, должен заботиться в первую очередь о ней. Но кто-то из знакомых рассказал Ляльке историю Олега Масленникова, и с того момента я попал под неусыпный контроль моей нимфы.

Нет, сначала ее ревность была мне приятна: казалась милым чудачеством, капризом избалованной девочки. Но постоянные атаки и незапланированные визиты в приемное отделение областной больницы, которые устраивала Лялька, выводили меня из себя.

Это перешло все границы, и надо мной стали подшучивать коллеги.

– Вихров, жена сегодня придет с визитом? – похохатывая, интересовались в ординаторской.

– Не должна.

– Тогда можем обниматься? – шутила операционная сестра Тамара, веселая и шальная девушка.

– Ты что! – я отскакивал в сторону и даже оглядывался: а вдруг Лялька стоит в дверях?

Коллеги держались за живот от смеха, а я сердито шел на обход, чтобы не видеть их ехидные лица. Мечтал завести ребенка. Тогда Лялька переключится на него и даст мне немного кислорода и личного пространства.

** * **

– Лялька, иди ко мне, – я протягиваю руки.

Жена уже несколько минут стоит в проеме спальни, наблюдая за мной. Белокурые волосы высохли и рассыпались по плечам. Щеки уже не пылают так ярко, как после душа. Их нежно-розовый цвет прекрасно сочетается с небесными глазами. Не женщина, а дрезденская статуэтка, такая же хрупкая и изящная, желанная и прекрасная. Когда Лялька при полном параде, друзья восхищённо вздыхают:

– И где ты такую Барби нашёл? Везёт же некоторым!

– Там, где взял, больше нет, – с гордостью отвечаю я.

– Признайся, Вихров, сам делал ей пластику?

– Сдурели, что ли? Все своё, натуральное.

Я притягиваю к себе драгоценную светловолосую нимфу и целую в прекрасный лоб.

– Жень, ты точно любовницу на работе не завёл?

– Лялька, жена Степанова рожает, он попросил меня его подменить. Рядовая ситуация. Вот когда у нас с тобой будут дети...

– Жень, – Оля отстраняется, – не начинай! Мы же договорились несколько лет пожить для себя.

Обреченно вздыхаю. Да, договорились, но что-то тянуть совсем не хочется. Мне тридцать лет. Я часто застываю возле детского городка и наблюдаю за малышами. Пытался привлечь к этому занятию и Ляльку, но она всегда сердито уводила меня прочь. А однажды вообще заявила:

– Вихров, я чайлдфри. (*Чайлдфри – субкультура и идеология, характеризующаяся сознательным желанием не иметь детей*). Не приставай ко мне с детьми.

– Как можно быть чайлдфри в двадцать лет? – не понимал я.

– Вихров, хочешь поссориться?

Скрепя сердце я решил подождать. Может, моя куколка повзрослеет, и тогда у нас появится малыш. Разница в возрасте в десять лет давала о себе знать. Мне хотелось семейной стабильности и теплоты, а моей Ляльке – развлечений, косметических салонов, встреч с подругами, постов в Инста-

грам, которыми она увлекалась безмерно.

Вот и сейчас. Я украдкой оглядываюсь: вдруг где-нибудь стоит включённый телефон и снимает сцену прощания с мужем!

– Все, пока! – смотрю на часы, ещё раз целую жену.

– Когда ты вернёшься? Завтра утром?

– Нет, у меня ещё консультация в поликлинике, потом обход больных в отделении, плановые операции. Если ничего экстраординарного не случится, буду дома завтра к семи вечера.

– Это так долго! – жена капризно поджимает губы.

– Ну, не скучай, моя птичка, не скучай, – я достаю кредитную карту, едва сдерживая вздох: до зарплаты ещё целая неделя. – Сходи сегодня в клуб с подружками.

Выгода двойная: Лялька отвлечется, и я на дежурстве дергаться не буду.

– Женька, ты прелесть! – пронзительно взвизгивает жена. Слезы на ее глазах мгновенно высыхают, щеки от радости пылают ярче. – Можно оторваться по полной?

– Кути, что с тобой поделаешь! – вздыхаю я, прикидывая, сколько мне нужно взять ночных смен, чтобы залатать дыру в бюджете, которая обязательно образуется после развлечений моей птички.

Оля выросла в семье бизнесмена, не зная ни в чем отказа. И до сих пор ее мама поджимает губы, как только услышит, сколько получает зять-врач. И хотя я тоже не бедствую, леди

Маргарите мой доход кажется крохами, поэтому она периодически промывает мозги своей дочери, намекая, что та выбрала не того человека в спутники жизни. Но Лялька стойко держится. Даже отказалась от спонсорской поддержки родителей.

– Пока, не скучай. Ты приготовишь мне мясо по-французски?

Это было единственное блюдо, с которым жена справлялась на «ура».

– Опять? А может, закажем еду из ресторана? Или сходим туда? Я позвоню.

– Не выйдет, дорогая. До зарплаты ещё целая неделя. Выбери: поход в клуб или завтрашний ужин в ресторане, – я протягиваю руку за кредиткой.

– Поняла, я все поняла, – смеется Лялька и прячет карточку за спину, – будет тебе мясо по-французски.

Сидя в машине я прокрутил в голове наш разговор и понял, что в очередной раз попался в ловушку жены. Она уже несколько раз намекала, что ей очень хочется пойти в клуб, и ловко хитростью заложила мне в мозги программу: надо отпустить. А утреннее представление бедной, брошенной овечки было направлено на то, чтобы ее просьба сработала.

– Вот хитрюга! – вырвалось у меня, но совершенно беззлобно.

Сердце наполнилось теплом. Я включил музыку и откинулся на спинку кресла. Макс Вертиго пел о том, что он вер-

нется к любимой. Руки автоматически поворачивали руль, глаза следили за дорогой, но ритм песни заводил, заражал меня.

И вот я уже раскачиваюсь в такт музыке и ору припев вместе с певцом:

Я вернусь, я ведь обещал,
На ветер слов не отпускаю,
Да ты сама родная знаешь.
Что я вернусь, я ведь обещал.

* * *

Как только за мужем закрылась дверь, Ольга Вихрова закружилась по комнате.

Ура! Ура! Ура!

Целых тридцать шесть часов свободы! Да за такое счастье можно и мясо по-французски приготовить. Радостно запева и целуя кредитку, она схватила телефон.

– Алло! Каринка? Просыпайся, лентяйка! Сегодня плачу я! Женька карточку оставил.

Глава 2

Оля и Карина дружили со школьных лет. Вместе сбегали с уроков на встречу с поп-кумиром, рыдали из-за неудавшейся любви, развлекались. Карина обожала тусовки, вечеринки и клубы, а Оля составляла ей компанию.

Оля вышла замуж за Вихрова в девятнадцать лет, а Карина до сих пор была в поиске второй половинки.

– И что? – сонным голосом спросила Карина. – Зачем будишь в такую рань?

– Каро, ты не слышала? Сегодня гуляем! Женька оставил нам свою кредитку. Пойдём в клуб?

– Неохота.

– Ну, Каринка, пойдём, – заныла Оля. – Я так редко теперь из дома выбираюсь!

– А кто тебе мешает делать это чаще? Сама замуж поторопилась выйти. Вот погоди, тебе твой доктор ребёночка сделает, забудешь тогда совсем про свободную жизнь.

– Тьфу, тьфу! – шутливо сплюнула через левое плечо Оля. – Не говори так. Дети – это цветы жизни.

– Ага! Знаем. Только пусть они цветут на чужой клумбе. Я ещё не нагулялась.

– Я тоже пока не тороплюсь. Мама говорит, что ещё надо проверить наши чувства.

– Твоя мама толк в советах знает. Какие парни вокруг тебя

вились, а ты выбрала этого старика.

– Женя не старик. Ему только тридцать лет.

– А тебе – двадцать. Через десять лет ты будешь молодой красавицей, а он сморщенным придурком с залысинами, ревнующим тебя на каждом шагу.

– Я так далеко не заглядывала даже в мыслях.

– А надо бы!

– Каро, значит, договорились?

– Ладно, подгребай ко мне. У меня есть пропуск в косметический салон. Там процедурами балуются всякие знаменитости.

– Предлагаешь сначала расслабиться? А вдруг на это денег не хватит? – Оля сомнительно посмотрела на карту в руках.

– Не бойсь! Талоны мне Эдик Ростовцев подкинул.

– Погоди, это какой Эдик?

– Не помнишь, что ли? Ушел после девятого класса в училище.

– Нет, не помню.

Оля наморщила прелестный лобик, но в голове не было ни одной картинки.

– Вот дуреха! Хулиган, дрался вечно. Помнишь, кто-то на втором этаже газовый баллончик распылил? Уроки сняли, нас на улицу без одежды выгнали всех.

– Ну, помню.

Перед глазами появилась картинка. Все классы в спешном

порядке по сигналу тревоги эвакуируются на улицу. Зима, мороз, а на них тонкие кофточки и туфли. Учителям пришлось выносить всю одежду из раздевалок, потом пока искали каждый свою, промерзли до костей. Самое удивительное, что даже никто не заболел потом. Веселое приключение получилось. уроки в этот день отменили.

– Вот. А помнишь, парень с третьего этажа по трубе спустился? Удирал с электива?

– Ага!

– Тоже он.

Теперь Оля наконец поняла, о ком шла речь. Этот отморозок на каждом углу ее задирает и вечно выставляет ее душой.

– А-а-а... так это тот, длинный, тощий с гнездом на голове?

– Фу, наконец-то, – выдохнула Карина, – я даже устала с тобой объясниться.

– Погоди, а талоны у него откуда?

– Ты что! Он популярным мастером тату стал. К нему пол-Москвы ходит, очередь километровая. Хочешь, и тебя пристрою. Сделаешь себе картинку на пикантном месте, порадуешь своего Вихрова.

– Нет, уж! Уволь! Я боли боюсь.

– Ну, губы же подкачала.

– Ага! Не могла больше смотреть на свои веревочки.

– Вот и пошли в салон. Сегодня музыкальная премия «Поп-олимп», наверняка парочку знаменитостей поймает.

Глядишь, сфотографируемся. Нужно подписчиков Инсты порадовать.

– Классно! Скоро буду.

Оля ещё час приводила себя в порядок: разве можно выйти на улицу без тщательного макияжа и укладки? И то, что они с Кариной собирались в салон, ни на грамм не уменьшило ее пыл.

Потом час выбирала себе наряд. Она выбрасывала на незаправленную кровать то одну вешалку с одеждой, то другую, но все не нравилось. Наконец она примерила белые брюки с блестящими чёрными лампасами и остановилась в выборе верха. Классическая рубашка, сексуальный топ, футболка с дерзким принтом, водолазка, боди – она миксовала эти базовые вещи с брюками, но ей все не нравилось.

Оля крутилась перед зеркалом и все больше злилась на безденежье, не позволявшее покупать брендовые вещи, на трудоголика-мужа, который оставлял ее надолго одну. Из зеркала на неё смотрела красавица с нежным лицом, искажённым сейчас обидой.

Окончательно рассердившись на себя, она надела белую шелковую блузу. К ней хорошо подошла игривая крохотная сумочка на длинном ремне, расшитая пайетками, и туфли на высоком каблуке.

Оля вызвала такси, в последний раз покрутилась перед зеркалом и осталась довольна своим луком. Незачем портить замечательный день нянченьем обиды. Лучше хорошенько

развлечься, пока муж на работе.

Сидя в такси, Оля набрала номер мужа, но на звонок ответил женский голос и сказал, что Евгений Михайлович на операции.

Жаба ревности заквакала в душе. К Карине она приехала в испорченном настроении с телефоном во вспотевшей руке.

– Представляешь, какая-то курица сказала, что Женька на операции! – возмущённо выпалила она, ворвавшись в квартиру.

– И что? – Карина лениво потянулась: она встретила подругу в нижнем белье с чашкой кофе в руках и совершенно не торопилась.

– Как что? С кем у него такие нежные отношения, что он позволяет ей отвечать на свои звонки?

– А я почему знаю?

– Нет, Каро! Я поеду сейчас и разберусь! Что за порядки там, в больнице?

– Так, подруга, мы собирались пойти в «Нефертити», потом в клуб. Если хочешь разобраться с мужем, скатертью дорога.

Карина распахнула дверь и толкнула Олю в спину, та уперлась пятками в пол.

– Ты чего? Я же просто делюсь с тобой как с подружкой!

– Задрала ты уже своей ревностью! Как тебя муж терпит?

– Нечего! Пусть будет в тонусе.

– Слушай, так это ты нарочно?

– Вроде бы нет. А, не знаю! Не приставай! Вихров мой мужик и никому его не отдам!

– Собственница какая!

– Да, я такая. А что?

Карина засмеялась и, нисколько не стесняясь подружки, быстро скинула трусики и топ, пустила воду в душевой кабине и встала под мощную струю. Прозрачные стенки вмиг запотели, и Оля видела лишь расплывчатый силуэт.

– Да, ничего. Странно все это. Неужели так любишь своего благоверного?

Оля задумалась. Любит ли она Женьку? Сначала – да. Она как увидела его у своей кровати после аварии, так сразу решила, что этот красавчик доктор с серыми глазами будет ее трофеем. А потом незаметно и правда влюбилась.

Или нет?

То первое чувство щенячьего восторга при встрече с доктором куда-то давно испарилось. Слишком пресной и скучной оказалась семейная жизнь. Муж все время на работе, она одна дома. В университет после аварии она не вернулась. Изучать литературу было скучно. Она не видела себя в профессии педагога. Оля взяла академку, а потом и вовсе пропало желание возвращаться к учебе. Зачем? Муж содержит, лелеет, на руках носит. Что еще надо?

А хотелось юной душе, увы, многого. Вот и бросалась Оля из крайности в крайность, не зная, чем себя развлечь.

– Каринка, что пристала? – наконец выдавила она из се-

бя. — Причем тут любишь-не-любишь? Если жена звонит, пусть трубку берет сразу, а не поручает это каким-то теткам.

— Ну, например, что твой муж — в операционной. Все телефоны команды медиков лежат скромно на отдельном столике, и взять их в случае звонка может только один человек, тот, у которого нестерильные руки. Видела же в кино, что есть специальная медсестра, которая вытирает пот со лба врачей, бегают по поручениям. Может, в ее обязанности входят и ответы на срочные звонки. Ты, небось, уже несколько раз Женьке позвонила.

Оля смутилась, вспоминая, сколько раз набирала номер мужа. Сначала после завтрака, потом, когда сделала майкап. Ещё раз — раздражённая перед зеркалом и в такси. Всего четыре раза за три часа. И что? Скучно же!

— Ладно, не ворчи. Ну, такой я человек, — засмеялась она и прошла в комнату.

В оконные стекла стучал летний дождик. Тонкие струйки стекали на карниз волнистыми змейками и срывались крупными каплями вниз. Люди перепрыгивали мгновенно образовавшиеся лужицы, закрывали головы сумками или просто руками и бежали по своим делам. Июнь в этом году выдался теплым, прогноз погоды не обещал дождя.

Оля оглядела себя. Белый лук при такой погоде был не к месту, она тоже не взяла с собой зонтик.

Звонок в дверь вывел ее из задумчивости. Она кинулась в ванную.

– Каринка, ты кого-то ждешь?

Подруга уже вытиралась полотенцем. На ее многочисленных тату блестели капельки воды. Она подняла голову и тряхнула темными волосами, обдав Олю каплями.

– Открой. Эдик пришел.

Оля пошла к дверям, распахнула их: на пороге стоял высокий парень. Он посмотрел на нее с прищуром, усмехнулся и протянул:

– Прив-е-е-е-т, красавица!

Гость хохотнул, обхватил ее за талию, крепко прижал к себе и поцеловал в губы. От неожиданности Оля дернулась, но мужская ладонь схватила ее за ягодицу, а язык гостя провалился глубоко в рот. Она задохнулась. Возмущение и... внезапно нахлынувшее желание ударило по телу, как молот по наковальне. Оно вдруг затряслось, вспыхнуло жаром и обмякло. Казалось, еще мгновение, и она упадет на пол, только сильные руки гостя держали ее в вертикальном положении.

Паника заметалась в голове. Таких ощущений Лялька еще никогда не испытывала. Нежный и внимательный муж всегда заботился о том, чтобы удовлетворить ее. Но это... это было что-то совсем другое. Взрыв, ураган, лавина, катящаяся с гор. Необузданная стихия превратила всмятку ее эмоции, подчинила себе.

На секунду, всего лишь на миг Оля поддалась желаниям и потянулась навстречу поцелую, но тут же встрепенулась. Так нельзя! Она сомкнула челюсти на чужом языке. Эдик

вскрикнул и ослабил хватку. Девушка изо всех сил уперлась в его грудь руками, оттолкнула и вlepила звонкую пощечину. Правда, получилось не очень: сила куда-то пропала.

– Спятил? Куда ручонки тянешь? – выдохнула она, пытаясь выровнять дыхание.

В глазах парня мелькнуло бешенство. Лицо перекосилось. Он схватил Ольгу за длинные волосы, накрутил их на руку и дернул к себе.

– Сучка! Целку из себя строишь, коза?

– Пусти, сволочь! – из глаз брызнули слезы, размывая тщательный мейкапа. – Больно!

– Мне тоже.

– А что ты лезешь?

– Понравилась, – Эдик с силой натянул волосы Оли.

– Ой! Придурок!

– Повторить?

Лицо парня придвинулось вплотную. Рот превратился в хищный оскал, а темные глаза – в буравчики, которые сейчас прожигали ее насквозь. Но Оля почему-то не боялась. Возбуждение с новой силой охватило ее. Хотелось сорвать с Эдика одежду и толкнуть его на расправленную постель, а сомой прыгнуть сверху и забыться в животной страсти.

На шум выглянула из ванной Карина.

– И что вы тут устроили? Эд, отпусти ее!

Гость разжал пальцы и шагнул в комнату следом за хозяйкой.

– Да, ну ее, бешеную.

– Оль, не парься! – Карина повернулась к подруге. – Он всех так приветствует.

Она, нисколько не стесняясь своей наготы и гостей, неторопливо промокнула кожу полотенцем: сначала одну ногу, другую, потом пришла очередь упругой груди, живота, гладко выбритого лобка, на котором красовалась крохотная тату.

Оля смущенно отвернулась, испытывая неловкость. Женька был ее первым мужчиной и единственным. Карина и ругала ее за раннее замужество, говорила, что лишила себя всех прелестей жизни, а главное, возможности выбирать мужчин.

Эдик смотрел на подругу, как замороженный, но с поцелуем бросаться не торопился. Была в Карине какая-то грация пантеры перед прыжком. На уровне подсознания это чувствовали все мужчины и лишний раз не лезли с предложениями. Такие независимые девушки, как Карина, сами выбирали себе партнеров и любили быть господами в отношениях.

Хозяйка подмигнула Эдику и бросила мокрое полотенце ему на лицо.

– Что делаешь? – зло вскинулся тот.

– А ты не пялься. Хочешь помочь, жди, пока соберусь. А не хочешь – проваливай.

Так же неторопливо, словно приглашая полюбоваться своим стройным телом, покрытым легким искусственным загаром, Карина стала одеваться.

– Ага! – осклабился парень в кривой ухмылке и убрал ладонь, которой потирал щеку. Оля разглядела отпечаток своих пальцев и почувствовала себя неловко.

– Нет, все же... я не хочу, чтобы ко мне лезли с поцелуйчиками незнакомцы.

– А в чем дело? Давай, познакомимся.

Парень протянул руку, но Оля спрятала свою за спину: неизвестно, что еще может выкинуть этот пришелец с другого мира. А он действительно напоминал монстра. Татуировки покрывали все видимое пространство кожи. На руках были выбиты изображения каких-то людей. На коже наружной стороны левой кисти красовалось страшное лицо. На пальцах – кольца с печатками.

Уголовник, да и только. Но Карина не говорила, что этот человек сидел в тюрьме, значит, он просто понтится, хочет казаться крутым.

– Я Эдик Ростовцев.

– Ольга Задворская.

– Да, ладно тебе! Что их себя принцессу корчишь? В одной школе учились.

– Я знаю, Каро сказала. Но тебя не помню, – упрямо поджала губы Оля.

– Ладно, горячие одноклассники, брейк! Харэ ругаться! Эдик, ты решил? С нами поедешь? – спросила Карина.

Она уже убрала постель, сложила диван и теперь стояла перед зеркалом, выбирая наряд.

– Что я там забыл?

– Ну, хотя бы подбрось, все не такси вызывать.

– Давай, не мели языком, одевайся, – лениво сказал Эдик.

Он уселся на диване, задрал на столик ноги в модных летних ботинках с перфорацией, сквозь дырочки которой просвечивала белая кожа, и вытащил телефон.

Оля села в кресло напротив гостя и исподлобья разглядывала его. Возбуждение прошло, оставив небольшое томление в точке между ног. Теперь она пыталась понять, почему так быстро ее тело отреагировало на хамский захват Эдика. Ей что, острых ощущений захотелось? Утром был красивый секс с Женькой, она получила оргазм. Казалось бы, тело было удовлетворено. И тут такое! Непорядок! Она замужняя женщина, не должна так реагировать на деревенщину, не умеющего себя вести в гостях.

Она подняла глаза и поймала пристальный взгляд Эдика. Угол его рта поехал вверх.

– Что уставилась? Еще хочется? Знаю я вас, сучек! Так и течете, когда настоящий мужик рядом.

– Это ты мужик? Хамло! Быдло!

Оля схватила со столика журнал и бросила его в Эдика. Он ловко увернулся и захохотал.

– Перестаньте! Оба! – крикнула Карина.

Она стояла в дверях полностью одетая в короткую юбку, из-под которой виднелась красная роза, вытатуированная на бедре, черный топ короткую кожаную куртку но гости, ка-

жется, даже не замечали хозяйку. Искры ненависти так и летали между ними, еще чуть-чуть и разгорится пламя. Эдик не выдержал первым. Он встал и пошел к выходу.

— Куда вас кинуть?

— Мы с Олькой сначала в «Нефертити» наведемся, потом в клубешник. Ты с нами?

— Что я там забыл? — лениво спросил он.

Но вопрос был риторический и не требовал ответа. Карина закрыла дверь и вызвала лифт. В кабине Оля старалась держаться подальше от Эдика, однако при выходе он случайно задел ее рукой. Удар тока пронзил обоих такой сильный, что они одновременно вскрикнули.

— Ну, вы даете! — покачала головой Карина и первая пошла к выходу.

В салон они приехали быстро, и даже прошли внутрь без приключений, несмотря на то, что перед входом стояла огромная толпа из фанатов и репортеров: Белль, поп-певица, которой сегодня будут вручать музыкальную премию "Поп-олимп", приехала принимать процедуры и бродила по залам салона в розовом халатике и таком же чепчике.

Иногда она останавливалась перед окном и принимала модельные позы, чтобы поклонники могли сфотографировать ее сквозь стекло.

Девушки переглянулись: идеальная возможность сделать отличные снимки, пока знаменитость рядом с ними. Глядишь, и в глянцевые журналы попадут. Очень мило они бу-

дут смотреться рядом с Бель в розовых халатиках. Подписчики Инсты обрадуются.

Они показали льготные талоны администратору и побежали переодеваться, но тут разразился скандал.

Глава 3

Я собираюсь на работу и нервничаю: Милаша дуется. Она сидит на кровати в одних колготках.

– Вытащи палец! – приказываю я, пробегая мимо.

Я уже полностью готова, остаётся только одеть дочь, но она, как назло, проснулась сегодня в плохом настроении и все утро капризничает: перебирает наряды, отказывается чистить зубы и умываться.

– Не хочу, – отвечает дочь и засовывает палец ещё глубже.

Я подлетаю к ней, вытаскиваю палец и вытираю нос.

– Сморкайся.

– Не хочу.

– Я тебя накажу сейчас! Одевайся.

– А я на тебя обижусь! Вот!

Дочка сплетает на груди руки и отворачивается. Что за несносный ребёнок! Я останавливаюсь перед ней и хмурю брови: «Господи! Дай мне терпения!» Сегодня Милаша бесит меня невероятно. Хочется схватить ее, перегнуть через колено и отшлепать по пухлой попе, чтобы в следующий раз не повадно было. Но я держусь изо всех сил: физические наказания в нашей маленькой семье под строгим запретом. Моя мама, (а живем мы вместе) любит повторять:

– Не можешь убедить ребёнка словами, значит плохо стараешься.

Я стараюсь. Ещё как! Но не всегда хватает терпения. Психологи советуют сесть так, чтобы глаза находились на уровне глаз ребёнка, и предложить ему выбор.

– Милаша, я опаздываю на работу, – ласково заливаюсь соловьем я. – Если ты сейчас быстро оденешься, после садика я куплю тебе мороженое. Хочешь?

Кивок согласия. У меня невольно вырывается вздох облегчения: наконец-то.

– Выбирай тогда: капризы или мороженое.

Но из-за нервозности мои слова звучат резко и грозно, как ультиматум.

Дочка поднимает на меня ясные серые глазёнки, которые тут же наполняются слезами. Вот беда! Достигнутое перемирие нарушается.

– Не хочу тебя слушать! – Милаша закрывает уши ладошками. – Как можно кричать на своего ребёнка!

– Но я не...

Я застываю на месте. Моя умненькая девочка заговорила в полтора года и к четырём приобрела не по-детски взрослую речь. Она как губка впитывает все сказанное вокруг, потом трансформирует ее в своей маленькой головке и выдаёт реплики типа этой.

– Дина, не кричи на ребёнка! – как фурия прилетает из кухни мама.

Так, подросла тяжелая артиллерия в виде бабули. Милаша довольно улыбается. Этот бесёнок добился своего и те-

перь счастлив.

– Я опаздываю. Мама, ты же знаешь! Мое начальство не любит недисциплинированных сотрудников. Что обо мне подумают? – не выдержала наконец я.

– Ты сама нервничаешь, вот и внучка тоже.

– Да, я нервничаю, – как ни в чем ни бывало подтверждает дочь.

Я вздохнула несколько раз, посчитала про себя до трёх, больше не хватило терпения, и спокойно сказала:

– Дамы, вы хотите, чтобы я осталась без работы? А на что жить тогда будем?

– Дина, не заводись, – отмахивается от меня мама. – Милаша, иди к бабушке. Я тебе помогу одеться. Какое платье сегодня выбрала?

Она протягивает руки к надувшийся, как мышь на крупу, девочке, но та утыкается в мои колени.

– Я к маме хочу.

Так, кажется, кризис миновал. Милана очень тонко чувствует атмосферу в доме, и, когда добивается своего, тут же меняет поведение. И так всегда! Дочка ловко управляет двумя взрослыми людьми, и мы поддаемся, потому что любим ее безумно.

Мы быстро оделись и вышли вместе из дома. Пришлось оставить дочь бабушке: она отведет Милашу в садик, который находился в соседнем дворе. Я быстро поцеловала моих любимых, помахала им рукой и побежала к остановке.

Салон «Нефертити», в котором я работала медсестрой-косметологом, располагался в центре Москвы. Массированная реклама, связи и предприимчивость директрисы сделали из маленькой некогда парикмахерской настоящую клинику, где принимали спа-процедуры, оздоравливались и просто наслаждались жизнью знаменитости.

Сегодня на работе аврал. Все словно сошли с ума: бегают, суетятся, стерилизуют инструменты, проверяют наличие идеально чистых простыней, халатов и полотенец. Администратор смены с ног сбилась, отвечая на звонки репортеров и предупреждая других клиентов, что их обязательно примут в следующий раз с бонусной скидкой по оплате. Наша «Орхидея» работает в поте лица, чтобы удовлетворить запросы элитных гостей, но попасть к нам даже они могут только по особым приглашениям или записаться заранее.

Директриса, Марфа Владимировна Киселева, которую мы, как президента, видели только в особо торжественных случаях, а чаще слышали ее указания по телефону, заявила ни свет ни заря, чтобы лично навести порядок.

Наш салон красоты готовится к приезду элитных гостей. Сегодня вечером торжественное вручение музыкальной премии «Поп-Олимп», и приглашённые артисты начнут приводить в порядок свои ногти, волосы и кожу, стилисты будут подбирать наряды, визажисты делать мейкап, парикмахеры – прически. Многие знаменитости – постоянные клиенты нашего салона.

Всем найдётся работа, в том числе и мне. Обязательно каждый из гостей захочет сделать процедуры для улучшения цвета лица и массаж.

В форс-мажорные дни, как сегодня, у нас всегда запарка: салон посещают не только медийные лица. У дверей вытесаются толпы поклонников в надежде получить фотографию для Инстаграм или автограф. Не уступают фанатам и репортёры, жаждущие заснять знаменитость и первыми опубликовать горячую новость для глянцевого журнала.

В моём кабинете чисто и уютно. Сюда приходят расслабиться и получить удовольствие, и я даю его посетителям по полной программе. Процедуры по улучшению и омоложению кожи лица очень популярны у толстосумов.

Я специалист широкого профиля, за что меня ценит директриса. Работаю не только руками, но и всеми аппаратами, которые есть в салоне. Электротоки, пилинги, фотоомоложение, криотерапия, лазерные процедуры для лица, инъекции ботокса, мезотерапии, контурной пластики – кажется, нет такого способа омолаживания, которым я не владею.

С гордостью я окидываю взглядом стену, на которой висят мои сертификаты в рамках за стеклом.

Детская мечта – стать врачом-косметологом, не осуществилась. Увы, жизнь сложилась по-иному. Неожиданная беременность и рождение Милаши вынудили меня уйти в академический отпуск с четвёртого курса мединститута.

Вернуться не удалось: нужно было работать и содержать

семью. Зарплаты моей мамы – школьного психолога, едва хватало на жизнь. Пришлось закончить курсы косметичек и искать работу по специальности. В «Нефертити» пришла два гола назад, и с тех пор у меня появилась возможность дополнительного заработка, а в нашей маленькой семье – достаток.

– Друзья! Все в холл. Немедленно! – раздался по интеркому голос директора.

Я встала, оглядела кабинет и себя, кажется, придраться не к чему. Приборы сияют чистотой, на полотенцах и салфетках ни пятнышка, мой накрахмаленный халатик хрустит, как первый снег, и отдает голубизной.

В холле собрались все сотрудники и выстроились в ряд.

– Смотри, Дина, что за окном творится, – шепнула мне соседка по кабинету Наташа.

Действительно, еще не приехали гости, а к крыльцу салона уже было не протолкнуться.

– Зачем нас собрали?

– А, Марфуша хочет лично инспектировать каждого, – пожала плечами подруга.

– Кого ждем первым?

– Елену Белкину.

– Это Белль которая?

– Ага. Вылезут из деревни, побегают по ток-шоу зрителями, а потом вдруг становятся певичками, – сердито бормочет Наташа.

– Связи заводят и пользуются ими. А мы не умеем так.

Я кошусь на нее и улыбаюсь. Она, видимо, забыла совсем, что сама несколько лет назад приехала из глухой провинции покорять Москву. Но кто-то становится певицей и получает престижные премии, а кому-то на роду написано делать маникюр и педикюр. Под разной звездой родились, что уж тут поделаешь.

Но в одном Наташа права: Белль всегда ведет себя безобразно. Светская дива заранее предупреждает, что не потерпит рядом с собой других посетителей, поэтому на время ее визита администратор очищает расписание максимально.

– Покажите все свои руки! – слышу приказ директора.

– Ну, началось...

Марфа Владимировна идет вдоль ряда сотрудников и проверяет внешний вид. Сначала оглядывает руки: за длинные ногти и неухоженные кисти можно лишиться месячной премии. Затем проводит краем указки по коже до локтя: проверяет нет ли отросших волос – ничто не должно раздражать элитных клиентов: ни процедуры, ни внешность сотрудников.

Следом приходит черед униформе. Она должна быть просто идеальной. На это представление смотрят люди с улицы. Инспекция директрисы тоже своеобразная реклама. Она словно говорит всем: «Смотрите, здесь желание клиента – закон. В «Нефертити» вас не только хорошо примут, но и дадут новую жизнь».

Мы выдерживаем проверку спокойно: привыкли. Акку-

ратность и чистота стали второй натурой. Мечтаем только о том, чтобы день прошел без проблем и скандалов.

Увы! Не вышло.

Началось все с малого.

Откуда ни возьмись, появились две девицы. Одна черно-волосая, брутальная неформалка, вся в татуировках, а вторая – светленькая и хорошенькая, как куколка, девушка. Они прошли мимо охраны, показав льготные талоны, и напрямиком направились к администратору.

Белль как раз сидела на диване в комнате отдыха, расположенной рядом с ресепшн. Она пила кофе и лениво листала глянцевого журнал с собой любимой на обложке, как вдруг увидела незнакомку. Певица швырнула чашку на блюдце так, что кофе выплеснулось на ее розовый халат и вскочила, закрываясь журналом.

– Уберите их! Немедленно! – взвизгнула она.

К ней кинулись сотрудники салона, но недовольная певица послала всех подальше и очень громко. Ее яркая внешность без накладных ресниц и тщательного макияжа сразу пропадала, и на свет появлялась деревенская простушка с лицом, покрытым веснушками и изрытым ямками от перенесенной в детстве ветряной оспы.

Белль потому и требовала соблюдения всех пунктов ее райдера (*перечень условий, предъявляемый артистом и музыкантом к принимающей организации*), что боялась показаться фанатам такой простолюдинкой.

Кожу певицы помощница визажиста очистила, наложила базу и подготовила к макияжу. Сейчас она глянцево блестела, а глаза, окруженные набрякшими веками, казались маленькими и невыразительными.

Естественно, Белль не хотела, чтобы поклонники разглядели ее деревенское лицо. В ожидании визажиста она отдыхала на диване и совершенно не желала, чтобы какие-то незнакомки ворвались в зал и увидели ее натуральную внешность.

Менеджер тут же помчалась разбираться, как эти неотесанные аборигены попали на одно время с Белль.

Выяснилось, что администратор в запарке забыла позвонить хозяину талонов и перенести этот визит на другое время. Бедная Светлана Сергеевна побледнела и даже стала заикаться от испуга, представив, какой сейчас разразится скандал. Она метнулась к девушкам, потому что ситуация неловкая, но разрешимая.

– Уважаемая Карина Ивановна, – начала она, заглянув в журнал. – У нас сегодня форс-мажорная ситуация. Вы не могли бы...

– Не могла бы! – резко ответила девица и нагло ухмыльнулась. – У меня тоже планы.

– Но..., – растерялась администратор.

– А в чем проблема? Эдуард Ростовцев дал нам с подругой льготные талоны.

Девушка с вызовом посмотрела на администратора. Вто-

рая в это время скромно стояла в стороне и во все глаза разглядывала Белль. Певице на голову накиннули полотенце, чтобы спрятать непрезентабельный вид, и повели переодеваться. Вдруг блондинка сорвалась с места и кинулась к поп-диве.

– Простите, пожалуйста, вы могли бы со мной сделать селфи?

Девушка вытащила телефон. Рядом с Белль она выглядела настоящей красавицей. Дива пронзительно закричала:

– Какое селфи? Ты головой дружишь? Хочешь меня на всю страну в таком виде выставить?

Но девушка не обратила внимания на крики. Она мило улыбнулась, включила камеру и несколько раз нажала на кнопку.

Эту историю сейчас рассказывает мне Наташа, которая прибежала в мой кабинет, возбужденно сверкая глазами и захлебываясь от удовольствия.

– Динка, пошли, посмотришь.

– Зачем? Там и без меня зевак хватает.

– Нет, ну, прикольно же. Директриса не знает, кому угодить. С одной стороны, Белль, которая ославит салон на весь бомонд, а с другой – девицы с льготными талонами, выданными влиятельному лицу.

– Откуда они у девушек?

– Талоны? Не знаю?

– Может, сами сделали?

– Кажется, настоящие. Вдруг, какая-нибудь из девушек – дочка того депутата, которому выдали талоны. Сейчас не разберешь: все кричат и ругаются. Дин, пошли, посмотрим.

Я поддаюсь на уговоры. Хотя мне и все равно, что делают в центральном зале, но все же любопытно. Однако стоило мне сделать пару шагов, как в кабинет ворвалась Светлана Сергеевна.

– Дин, возьмишь клиентку?

– Белль у меня уже была.

– Не ее. По талону. Не знаю, как скандал погасить.

– Давай.

Яркая блондинка вошла, огляделась и поставила на стул сумочку. Я показала ей рукой на кресло. Она села. Ее челюсти ходили ходуном, перемалывая жвачку.

– Можете выплюнуть сюда, – показываю рукой на лоток возле ее лица.

– Не хочу, – отвечает она, но, подумав, выкидывает белый комок.

Я довольна. Включаю вежливое хамство: губы растягиваю в улыбке до ушей, а сама ставлю эмоциональную стену между нами.

– Что будем делать? Массаж лица?

– Нет, радиоволновой лифтинг.

– Что? – я растерялась. Передо мной сидела юная девушка с идеальной кожей. Зачем ей понадобилась такая процедура? – Но...

– Никаких «но»! – резко возражает клиентка, и я закрываю рот.

Желание клиента – закон. Видимо, она хочет воспользоваться льготным талоном, чтобы сделать процедуру подороже.

– Снимите украшения, – прошу я девушку.

Я очищаю ее лицо от косметики, наложенной неумелой рукой, и беру в руки контактный гель, необходимый для проникновения радиоволн в кожу. Кроме того, он защитит кожу клиентки от ожога. И хотя радиоволновой лифтинг – процедура безболезненная, но температура поднимается до пятидесяти градусов, может появиться легкое покраснение, и тогда не избежать грандиозного скандала.

– Это не больно? – спрашивает блондинка. Ее глаза испуганно сияют.

– Нет. Вы просто почувствуете тепло. Какую методику хотите использовать: монополярную, биполярную?

– Вы мне терминами голову не забивайте, – резко отвечает она. Я смотрю на девушку и понимаю, она ещё совсем молоденькая и глупая. Назвала крутую процедуру и трясётся теперь, не зная, что ее ждёт.

– Монополярный аппарат даёт мгновенный и видимый эффект. Достаточно одного сеанса, если вас сегодня ждёт незабываемая встреча, подойдёт отлично. Произведёте впечатление на кавалера.

– Мне монополярную.

Девушка смущается и теребит палец. Опуская глаза: об-
ручальное колечко с бриллиантом сияет на фаланге.

«Надо же! Такая молоденькая, а уже замужем», – думаю я,
включая аппарат, беру в руку прибор и подношу его к коже
клиентки. Она сжимается, словно ожидая удара.

– Расслабьтесь.

Головка аппарата касается кожи. Девушка вздрагивает и
бьет меня по руке. От неожиданности я роняю прибор.

– Что ты делаешь, идиотка! – возмущённо кричит она. –
Хочешь меня обжечь?

– Я же предупредила вас, что будет горячо. Немного нуж-
но потерпеть.

Наклоняюсь за прибором и молюсь про себя, чтобы с ним
было все в порядке. В эту секунду раздаётся звонок. Мой те-
лефон лежит на рабочем столе. Скашиваю глаза: интересно,
кто звонит, и вижу номер детского садика Милаши.

Сердце екнуло и забилося в бешеном ритме. Мгновенно
проблемы клиентки вылетают из головы. Я хватаю трубку:

– Что случилось?

– Н-ничего, – заикаясь говорит дочкина воспитательни-
ца. – Милана заболела?

– Заболела? Ой, утром все было хорошо.

– Это я у вас спрашиваю. Девочка сегодня не пришла в
садик.

Сердце ухнуло в пятки, рука с телефоном затряслась, и
мобильник упал на пол.

– Девушка! Вы собираетесь выполнять процедуру? – я поднимаю глаза: на меня зло смотрит клиентка. Почти не вижу ее лицо: оно расплывается радужными бликами.

Я хватаю телефон.

– Алло! Галина Фёдоровна, бабушка отводила Милану в садик.

Перед глазами картина: из окна маршрутки я вижу, как мама и Милаша, держась за руки, идут в соседний двор, где находится детский сад. Вот они поворачиваются и машут мне. Я отвечаю.

– Но девочка не приходила.

– Погодите, я сейчас.

Вопящую клиентку я уже не замечаю. Палец от волнения попадает не на те кнопки. Нужно позвонить маме. Я чувствую, как истерика рвётся из груди, но ещё держу ее волевым усилием.

– Да, Дина. Что случилось?

– Мама, где Милана?

– В садике.

– Но там ее нет.

– Как нет?

– Куда ты дела моего ребёнка? – я уже кричу, на ходу расстёгивая халат.

Не получается. Я рву пуговицы. В мой рукав вцепляются пальцы с накрашенными коготками. Кто это? Зачем задерживать? Я срываю эти пальцы, толкаю помеху и бегу к две-

рям. Слышу, сзади грохот, но не оборачиваюсь: страх и ужас гонят меня вперёд.

– Дина, ты куда? – кричит вслед мне Наташа.

– Потом. Все потом!

Я выскакиваю на улицу и бегу, бегу, что есть силы. И тут останавливаюсь, словно спотыкаюсь.

Такси. Можно вызвать такси. Открыть приложение Яндекс, набрать адрес – не могу. Я кидаюсь к репортерской машине, стоявшей у крыльца.

– Пожалуйста, умоляю, помогите! У меня пропал ребёнок!

Глава 4

На работу я прихожу в приподнятом настроении. Осмотры, обходы, консультации, операции – обычные дела торакального хирурга.

Сегодня у меня две плановые процедуры, и я очень надеюсь, что не привезут срочного кардиологического пациента. А с рядовым аппендицитом прекрасно справится и общий хирург.

– Ну, как молодая жена? – спрашивает меня анестезиолог, а по совместительству мой приятель Максим Новоселов, когда мы моем руки перед операцией.

Мы одеты в хирургические костюмы бирюзового цвета и в такие же шапочки. Лица закрыты масками. На глазах специальные очки с лупами.

– Отлично просто! – усмехаюсь я. – И тебе советую. Держит в тонусе и бодрит.

– Не, мне Янки за глаза хватит. Я на сторону ни ногой. Свят-свят! Как представлю ее грозное лицо, так вздрогну.

– Что, сковородкой огреет? – я вытаскиваю из стерильного пакета щетку и начинаю тщательно тереть ею ладони. Макс делает то же самое.

– Моя может, – смеется Макс.

– Ух, страшно! Я бы от такой грозной бабы держался подальше.

Я шучу. Прекрасно знаю, насколько теплые и доверительные отношения в семье друга. Они поженились по залету, на свадьбе у Яны отчетливо виднелся животик, но это скоротечное событие не помешало влюбленным стать дружной парой и хорошими родителями.

Тут же в голове мелькает воспоминание. Темный закуток. Девушка. Страстное дыхание. Выпитое спиртное, заводная музыка, веселая тамада со своими конкурсами – все сыграло роль в моем состоянии. Голова просто отключилась в тесном пространстве. Я и сейчас чувствую все выпуклости девчонки, прижимавшейся ко мне. Сперма мощным потоком ударила по мозгам, отключила разум и вылилась в безумный секс.

Стыдно. Вроде бы уже и не мальчишка был, у которого гормоны играют, а сорвался. Но девушка не возражала. Она отдавалась с такой пылкой страстью, что заводила и меня. Я сбежал первым и даже не сказал никому о неожиданном приключении.

Встряхиваюсь, как пес, отгоняя голос совести, который нет-нет, да и звучит в моей голове, и прислушиваюсь к Максусу.

– Да, не. Я ее люблю просто. А она меня. Вот как познакомились, когда она студенткой была на практике в нашей больнице, так и не расстаемся до сих пор. Петька сорванцом растет.

– Сколько ему?

– Пять скоро будет. Такой мальчишка классный. Проси свою Лялю подарить тебе сына.

– Нет, я дочку хочу.

– Сын же род продолжает.

– И что? Девочка зато на маму будет похожа.

Я вздыхаю. Лялька не хочет иметь детей, придется несколько лет подождать. Представляю себя седым дедушкой, гуляющим по парку с коляской, и сердито ударяю локтем по крану, чтобы закрыть воду. Руки подняты вверх: вода стекает по коже и падает на пол. Иду в операционную, нажимаю ногой на кнопку, открывающую дверь. Руки не должны ни к чему прикасаться.

Здесь царит рабочая суета. Медсестры раскладывают на столе инструменты, второй хирург готовит пациентку, женщину пятидесяти лет, которой мы будем делать стентирование. В сосуд, суженный патологическим процессом, вставлю конструкцию, похожую на пружинку. Она приживется и поможет сосуду правильно функционировать, а больному прожить еще много лет.

Операция бескровная, потому что я не буду вскрывать грудную клетку, но требующая большой концентрации от хирурга.

Строгая Тамара подает мне полотенце, которым следует убрать лишнюю воду с рук, потом стерильный халат. Я просовываю руки, она завязывает тесемки сзади. Теперь очередь перчаток. Пальцы легко скользят внутрь. Тамара поправляет

перчатки так, чтобы их края закрывали собой рукава халата.

Я улыбаюсь пациентке.

– Готовы? Первые минуты придется потерпеть, пока я буду делать пункцию, потом можете расслабиться. Представьте, что вам будут брать кровь, только очень толстой иглой.

Пациентка кивает, но в ее глазах страх. Она не понимает, почему операция на сердце будет проходить при полном ее сознании. Но стентирование не требует общей анестезии. Единственное неудобство, которое будет испытывать пациентка, это боль от прокола бедренной вены катетером – толстой иглой.

– Не хотите послушать музыку? – Максим показывает рукой на наушники, которые держит в руках.

– Д-да, – заикается женщина.

– Не бойтесь, все будет хорошо.

Операция проходит без заминок и занимает два часа. Женщину увозят в реанимацию, где она пролежит под пристроном опытных медсестёр до конца дня, а потом ее переведут в обычную палату. В течение дежурства я несколько раз навещу ее. Обычная практика.

Я возвращаюсь в ординаторскую. На сегодня это последняя процедура. Как здорово расслабиться и вытянуть затекшие от долгого стояния ноги. Делаю себе чашку кофе и сажусь к компьютеру, чтобы записать ход операции. Но кофе не помогает, глаза начинают слипаться, и я уйду в комнату отдыха врачей, мечтая немного полежать. Все срочные дела

выполнены, плановые процедуры закончены. Можно отдохнуть с чистой совестью.

Я закрываю глаза и тут только понимаю, что не проверил телефон: вдруг Лялька звонила. Хватаю трубку: действительно, моя жена в своем репертуаре, с интервалом в полчаса красуются десять пропущенных вызовов. Сердце бьется тревожно: наверняка что-то случилось.

Набираю номер жены и с замиранием жду ответа. Один гудок, другой, третий... Она не отвечает. Обиделась? Или не слышит? Начинаю нервничать. Щелчок раздается на восьмой гудок.

– Да, я слушаю, – голос Ляльки веселый и бодрый.

Где-то в отдалении слышится громкая музыка. «Точно! Она же хотела пойти в клуб», – облегченно вспоминаю я.

– Ляля, у тебя все хорошо?

– Теперь – да, но днем был настоящий ужас, – тон голоса меняется на плаксивый. Значит, предчувствие меня не обмануло. Что-то все же случилось.

– Какой ужас? – сон словно рукой сняло. Голова от волнения стала ясная.

– Представляешь..., – Лялька делает паузу и кричит в сторону. – Каро, закрой дверь! Ничего не слышу.

– Хватит болтать! – доносится мужской голос. – Иди к нам!

Странно! В клубе разве есть двери? Обычно там в центре – танцпол, а вдоль стен стоят столики. «Может, подруги ре-

шили взять вип-кабинку?» – мне опять стало тревожно. Денег на кредитке не так много, а подобное развлечение стоит дорого. И потом, зачем девушкам кабинка? Им же хочется танцевать. И мужской голос откуда?

Эти мысли промелькнули за несколько секунд паузы, но не успокоили меня, а еще больше встревожили.

– Ляля, ты еще меня слушаешь? Что случилось? Я начинаю волноваться.

– Да-да, я здесь. Мы с Кариной встретили друзей, вместе отдыхаем. Но до клуба мы ходили в салон «Нефертити». Жень, не переживай, я ни копейки не потратила, у Каро были бесплатные талоны. Так вот, там косметичка, коза, бросила меня в кабинете и сбежала. А когда я ее попыталась остановить, она толкнула меня так, что теперь у меня на лбу синяк. Представляешь? – голос опять стал как у капризной маленькой девочки. – Жень, я хочу, чтобы ты наказал эту злобную идиотку.

Я не мог представить, чтобы сотрудница элитного салона на пустом месте повела себя совершенно неадекватно.

– Успокойся, любимая. Не переживай. Когда закончится дежурство, я съезжу в салон и разберусь.

– Спасибо, Котик. Я побежала. Каро зовет.

Лялька отключается. Я смотрю на погасший экран телефона, а сердце сжимается от нехорошего предчувствия.

Но в отделении все тихо, пациенты рано ложатся спать.

Неотложка тоже не беспокоит, хотя уже наступило время моего дежурства. Казалось бы, волноваться не надо, но разговор с женой выбил из колеи и заставил беспокоиться.

«Зачем ты дал Ляльке кредитку?» – пытается голову надоедливая мысль и буквально сводит с ума.

Мне не нравится эта подруга Карина, но и запретить с ней общаться не могу. Может, предложить Ляльке вернуться в университет, все же ей не будет так скучно?

Я кручусь на узкой койке и не могу заснуть. Впереди ночь дежурства, иногда ни на минуту не удастся присесть. Завтра – полноценный рабочий день, убеждаю себя, что нужно отдохнуть, но в голову лезут воспоминания.

* * *

Я впервые увидел Ольгу Задворскую в неотложке нашей больницы. Скорая помощь привезла ее после аварии. Девушка была без сознания и в тяжелом состоянии. Она не справилась с управлением автомобиля на скользкой дороге и врезалась в столб. Уже позже я узнал, что новую машину ей подарили родители на день рождения.

Удар грудной клеткой о руль привёл к острой тампонаде сердца (*состояние, при котором миокард подвергается риску в результате чрезмерного попадания жидкости (обычно крови) в сердечную сумку.*)

Я был тем хирургом, которые делал ей пункцию перикар-

да. Жидкость из сердечной сумки откачал, Оля поправилась, но, пока я занимался ее лечением, не заметил, как влюбился в огромные васильковые глаза без памяти.

Это чувство возникло, как вспышка сверхновой звезды. Оно мгновенно поглотило меня. Я не мог ни есть, ни спать и каждый день мчался на работу с утра пораньше, чтобы зайти в палату и услышать возглас:

– Мой доктор пришёл!

Столько детской радости и восторга было в этом крике, что мое сердце плавилось от счастья. Она, не отрываясь, смотрела в мои глаза и медленно расстегивала пуговицы пижамы, чтобы я мог послушать ее сердце. А я умирал от смущения, невольно косился на упругую грудь с сосками-горошинками, и представлял, как она уютно будет лежать в ладони.

В последние дни перед выпиской я прикидывал, этично ли будет попросить телефончик у пациентки, но Оля спровоцировала меня сама. Во время моего дежурства она пришла ночью в ординаторскую.

Девушка остановилась в проеме дверей. Свет из коридора образовал сияющий ореол по контуру ее тоненькой фигурки. Стройная, изящная, она даже в больничной пижаме казалась сказочной принцессой, заглянувшей ко мне на огонек.

– Оля, марш в постель! – строго приказал я, буквально тая от восхищения и нежности. Очень боялся, что мой дрожащий голос выдаст меня с головой.

– Жень, да ладно тебе! – Ольга выглянула в коридор, довольно улыбнулась и прошмыгнула в ординаторскую, закрыв дверь. – Все нормально! Медсестры молодые, поймут.

От этих слов я чуть не задохнулся. Казалось, сердце сейчас пойдет плясать джигу-джигу, так оно колотилось в груди.

– Тебе нужно спать, чтобы сердечко полностью восстановилось, – сдавленным голосом от пересохшего внезапно горла сказал я.

– О! Оно бьется просто отлично. Хочешь послушать?

Ольга сделала несколько шагов к моему столу.

– Иди спать, – еще сопротивлялся я. – Сейчас кто-нибудь войдет и поймет ситуацию неправильно.

– А мы закроем дверь на ключ, – игриво хихикнула она.

– Ординаторская на дежурстве должна быть открытой. Вдруг что-нибудь случится?

– Фу, Женька, – от имени, сказанного с придыханием, у меня мурашки побежали по телу. Сердце заколотилось где-то в горле, в брюках стало тесно. – Для срочных вызовов есть телефон.

– Евгений Михайлович, – выдохнул я.

– Ох, Евгений Михайлович, – засмеялась Ольга и плавно, как кошечка, скользнула ко мне на колени. – Не будь букой!

Ночное дежурство было тихое. Пациенты спали, медсестры занимались своими делами. Настольная лампа ярко освещала мой рабочий стол, но вокруг царил полумрак. В воздухе повисло напряжение. Мне, с одной стороны, хотелось,

чтобы она ушла, а с другой, я мечтал впиться в этот соблазнительный рот губами и растерзать их так, чтобы они опухли.

Кровожадное желание сбылось через мгновение. Не я, а моя ночная гостья сделала первый шаг и первый поцелуй.

Мы целовались, как безумные, словно кроме нас никого в этом мире не существовало. Ольга скинула пижаму. Только крохотная наклейка на месте входа иглы напоминала о болезни девушки.

Она подняла грудь, и я не выдержал. Доводы рассудка провалились в ад, а вместе с ними туда отправилась и моя душа. Я припал с наслаждением к восхитительным полушариям. Мой член напряженно пульсировал от едва сдерживаемой страсти.

Но и здесь мне не пришлось проявлять инициативу: Оля взялась руками за фонендоскоп, висевший на шее, вскочила и потащила меня в комнату отдыха врачей, находившуюся за боковой дверью.

Она не была девственницей и даже предусмотрительно захватила с собой презерватив, подумав о контрацепции. Я окончательно сдался.

Поженились мы быстро. Сразу после выписки из стационара Ольга Задворская переехала в мою холостяцкую берлогу. Моя пациентка превратилась в Ляльку, милую и бесшабашную женушку, которая сводила меня с ума своей детской непосредственностью, наивной трогательностью в постели и

незрелыми взглядами на жизнь.

Мы не могли ни секунды прожить друг без друга, через три месяца сыграли свадьбу, вопреки желанию ее родителей, да и моих тоже. Пошли наперекор всему свету, а пролетел всего лишь год, и что-то сломалось.

Не то чтобы былые чувства угасли. Нет, мы по-прежнему страстно хотели друг друга и наедине были счастливы. Затосковала Лялька. Из-за болезни, которая случилась в разгар сессии, моя жена бросила университет. А через год и желание пропало получать профессию филолога.

– Я еще молода, хочу немного пожить для себя, – говорила она, убеждая меня, что находится в поиске. – Ты не против, дорогой?

Но счастье, что называется, длилось недолго. Вечное сидение дома в ожидании занятого мужа, в то время, как ее подруги наслаждались жизнью, превратило мою жену в раздражительную и нервную особу.

Я намекал на ребенка, но она обиженно надувала губы.

– Сейчас девушки в двадцать лет не рожают, – убеждала она меня. – Я жить хочу. Путешествовать, развлекаться, наслаждаться свободой. Я сама ещё ребёнок. Пожалуйста, милый, не загоняй меня в депрессию.

А потом следовало представление, которое Лялька подглядела у своей мамы. Она туго повязывала лоб свернутой в полоску косынкой или полотенцем, ложилась на диван и умирала от головной боли.

Или хваталась за сердце, обиженно поворачивалась ко мне спиной и сопела, а я чувствовал такую вину, что готов был простить ей все капризы.

С горечью я осознавал, что поторопился с женитьбой. Наши отношения перешли в какую-то жвачку, которую мы мусолим изо дня в день, но никак не поднимемся на новую ступень. Инфантильность Ляльки, постоянные обиды и слезы, вечные упреки ее матери, моя занятость не способствовали развитию семьи, но и выхода из ситуации я не видел.

* * *

Мысли о непростой семейной жизни утомили меня. Проще не думать, не жаловаться на судьбу и не сожалеть. Я почувствовал, как проваливаюсь в сон. Навстречу по ромашковому полю бежала счастливая Лялька и звала меня к себе, а с другой стороны неслась на меня девица со сковородкой наперевес. Я поднял руки, защищаясь...

Телефонный звонок вырывает из трясины сна. Приоткрываю глаза и нащупываю трубку.

– Да?

– Евгений Михайлович, привезли срочную больную. В машине скорой была остановка сердца.

– Как сейчас?

– Дыхание восстановилось, сердечные тоны ровные. ЭКГ сделали. Нужна ваша консультация.

– Сейчас буду.

Я встаю, умываю сонное лицо и выхожу в коридор, даже не подозревая, что делаю первые шаги в ад.

Глава 5

Девушка с микрофоном и оператор, к которым я подбегаю, удивлены. Они недоуменно переглядываются. Потом смотрят на витрину салона, и я понимаю, что им явно не хочется уезжать никуда от хлебного места. В их глазах отчетливо читается мысль: а не пошла бы ты, тетя, лесом? У тебя свои дела, а у нас свои.

Я бросаюсь к девушке и в мольбе складываю на груди руки:

– Пожалуйста, подбросьте меня к детскому садику. Я вам дам любое интервью. Расскажу все секреты знаменитостей, если захотите.

Быстрый взгляд на меня, на друг друга, и девушка согласнo кивает. Мы бежим к машине, которая припаркована рядом с салоном. На чёрном фоне крупными буквами написано: «Горячие новости». Не знаю, чьё это издание, ни разу не встречала, да мне и все равно. Сейчас волнует только одно: куда пропала Милаша. Я набираю номер мамы.

– Да, Дина, – кричит она мне в трубку. Я слышу сдавленные рыдания, но мне ее не жалко: я доверила ей своего драгоценного ребёнка, а она...

– Рассказывай!

– Дина, мы пришли в садик, а Милаша говорит: «Бабуля, ты иди, я сама разденусь. Ты же на работу опоздаешь».

– И ты бросила ребёнка? Как ты могла? Я не понимаю... Как ты могла?

– Дина, прости, прости! Не кричи на меня! Мне и так плохо!

– Говори!

– М-мы были уже в группе. Т-там ещё д-дети раздевались, – слова с трудом пробивались сквозь рыдания. – Родители сказали, что присмотрят за Милашей. Я и побежала.

– Кто был ещё?

– Я-я не знаю, – мама всхлипывает. – Ой, погоди! Секундочку! Мальчик. Дима. И девочка. Она плохо говорит.

– Ника?

– Да.

Я отключаюсь и начинаю разыскивать номера телефонов родителей.

– В садике потерялась? – сочувственно спрашивает де-вушка-репортёр.

Оператор, который тоже сел в машину, вдруг включает камеру. Я вижу красный огонёк, хочу отреагировать, но тут отвечает мама Димы.

– Света, мама говорит, что оставила Милашу в группе, но теперь ее там нет. Ты видела мою дочь?

– Да, видела, – в меня из груди вырывается вздох облегчения. Телефон вылетает из ослабевшей внезапно руки. Я хватаю его снова. Вижу внимательные глаза репортера. Она держит в руках квадратную коробочку. – А что случилось?

– Дочка пропала, – меня начинает колотить дрожь. В окно мелькают знакомые места. Мы подъезжаем к нашему району.

– Какой кошмар! – охает знакомая. – Где?

– В садике. Света, а что ты видела?

– Сейчас, вспомню. Пришла твоя мама. Хотела раздеть Милану, но та закапризничала. Схватила за края кофточки и не дала бабушке расстегнуть, твердила: «Уйди! Я сама!»

– Она сегодня с утра вредничала. А дальше?

– Не помню. Я повела Диму в группу, разговорила с Галиной Федоровной, – вдруг голос замолчал, а потом зазвучал глухо и невнятно. – Ой, Дина, получается, это я отвлекла воспитателя?

– Дальше что? – вздохи мамы Димы меня сейчас не интересуют. Это все потом.

– Я вышла в раздевалку, твоих уже не было. Даже в голову не пришло проверить, где Милана. Я думала, она прошла в группу через второй вход.

Винить Светлану было сложно.

Действительно, детсадовские группы имеют своеобразное строение. Прямоугольная раздевалка с двух сторон заканчивается дверьми, которые введут в группу и всегда распахнуты. Но между группой и раздевалкой расположены туалет и умывальники для детей. Получается, что ребенок попадает в группу не сразу, а только пройдя по небольшому, метра четыре, коридору. И если Светлана и Галина Федоровна стояли в одном коридорчике, они могли и не видеть, как Милаша

прошла в группу по-другому.

Я отключаюсь и звоню маме Ники, но та не отвечает. Набираю снова и снова, не попадая пальцами в кнопки.

– Слушаю вас и удивляюсь, – качает головой режиссер. – Разве воспитатели не встречают детей?

– Встречают, но мне только что сказали, что воспитательница в этот момент разговаривала с мамой Димы.

– Понятно. Могла действительно пропустить момент, когда девочка ушла.

Машина тормозит. Я поднимаю глаза: мы уже возле забора детского садика. Я нетерпеливо хватаюсь за ручку.

– Спасибо.

– Девушка, мы с вами. Поможем в расследовании.

Мне было все равно. Я бегу к входу в свою группу. Галина Фёдоровна меня уже ждёт.

– Вы проверили камеры наблюдения? – набрасываюсь на неё с вопросом.

Она смущенно отводит глаза.

– У нас одна камера сломана, а на второй девочку не видно.

– Безобразие!

– Зачем вы так?

– Простите.

– А это кто?

– Мы журналисты газеты «Горячие новости». Хотим помочь найти девочку, – отвечает девушка-репортёр, пока опе-

ратор снимает вход в детский сад, лестницу, раздевалку группы, шкафчик Милаши. Дальше его не пускают.

– Не надо снимать! – приказывает властный голос. Нянечка сбегала за директрисой, и та уже стояла на лестнице и сердито сверкала на нас очками. – Что вы тут устроили?

– Ребёнка привели в детский сад, а потом он исчез. Вы считаете, что это нормально?

Я уже кричу, не могу больше сдерживать эмоции. Кажется, ещё чуть-чуть, и моя голова взорвется от переживаний. Заглядываю в шкафчик: сменное платье и вторая обувь на месте, значит, Милана даже не переодевалась. Ну, куда она могла пойти?

– Не нужно оставлять ребенка одного, не сдав в руки воспитателю, – парирует директриса.

– Мы с себя вины не снимаем, но и у вас безобразие: камеры не работают, воспитатель детей не встречает. Кто угодно может зайти в группу, соблазнить ребенка конфеткой и увести, – подливает масла в огонь репортер.

– Ох! Нет! Только не это! – я хватаюсь за шкафчик, боясь упасть, и уже навзрыд плачу и умоляю: – Пожалуйста, найдите мою дочь!

– Тихо, тихо! Мамочка, не надо так нервничать. Вы детей пугаете! – Действительно, на шум прибежали малыши и испуганно смотрели на ссорящихся взрослых. – Сейчас вызовем полицию. Пройдемте ко мне в кабинет.

Мы выходим на лестничную клетку, и я вижу в окно, как

со стороны ворот бежит мама. Она врывается в подъезд, запыхавшись, лицо перекошено и покрыто потом.

– Дина, где, где Милаша? – в панике повторяет она. – Ты ее нашла?

– А ты видишь, что рядом со мной стоит дочь? – срываюсь я на неё.

Мама всхлипывает и хватается за сердце. Прибывший наряд полиции расспрашивает нас, нянечку, дозванивается до мамы Ники, но и та ничего не знает. Наконец Галина Федоровна радостно ведет воспитательницу соседней группы. Я бросаюсь к ней.

– Вы видели мою дочку? У нее серые глаза и длинные светлые волосы. Заплетены в две косички, которые сзади собраны в сердечко. На ней малиновый бомбер с изображением Русалочки спереди и блестящие лосины.

– Да, она стояла на лестнице.

– И вы ее не отправили в группу?

– Я подумала, что девочка ждет свою маму и прошла мимо: руки были заняты, несла завтрак.

– Во сколько это было?

– Примерно в восемь часов утра.

– Может быть, она просто ушла домой? – спросил седой полицейский с усами. Он периодически теребил дин ус и качал головой.

– Я сбегая, посмотрю, – вскидывается мама. Она тяжело дышит, слезы текут по ее лицу, но она даже не вытирает их.

– А мы с вами по дворам проедемся, поспрашиваем, – предлагает усач.

Я скидываю фотографию Милаши репортеру, директрисе, которая обещала опросить сотрудников, и бросаюсь к выходу. Первый приступ паники прошел. Я начинаю думать и прикидывать, куда могла пойти моя своенравная дочь, если допустить, что она просто ушла прогуляться.

Мы объезжаем все дворы и ближайшие детские площадки, но дочери нигде нет. Поиски продолжаются уже два часа. Я с ума схожу от горя и переживаний, но не сдаюсь. Упрямо не отпускаю ни полицейских, ни репортеров. Опрашиваю встречающих прохожих:

– Вы девочку не видели?

– Может, встречали четырехлетнюю малышку одну?

– У нее косички сзади заплетены сердечком.

– Милаша зовут.

– В малиновом бомбере с Русалкой на груди?

Я слышу, что такие же вопросы людям задают полицейские. Но все сочувственно качают головами. Девушка-журналистка в это время с кем-то разговаривает по телефону. Я чувствую, как глухое раздражение поднимается волной к голове. У меня горе, а эта бесчувственная стерва думает только о репортажах. Но тут она бросается ко мне:

– Дина, я договорилась с телеканалом. Есть возможность сообщить в прямом эфире о пропаже Милаши. Вы разрешите отправить режиссеру фото вашей девочки?

– Нет! Не хочу! За Милашей начнут охотиться!

– Дина, – ко мне подходит усач. – Не выдумывайте. Не у каждого родителей, потерявших ребенка, есть шанс начать поиски по телевидению.

– Да, это правда. Режиссер обещал указать номер «горячей линии» канала, чтобы люди звонили туда. У нас есть такая. Мне сразу сообщат, если будет свежая информация.

– Хорошо, – соглашаюсь я и набираю номер мамы.

Мама сообщает, что и у дома Милашу никто не видел. Она опросила уже всех соседей, но тщетно. Мама плачет навзрыд, и от ее причитаний мне еще хуже.

– Сиди в квартире. Никуда не уходи. Вдруг она придет сама, – приказываю я ей.

– Диночка, дочка, а вдруг Милашу похитили? О Боже! О Боже! Как же так? Я никогда себе этого не прощу!

– Ма-ма! Я тебя умоляю! Молчи! Мне и так тошно! – я уже ничего не соображаю и кричу в трубку так громко, что полицейские и репортер, обсуждавшие наши дальнейшие действия, на секунду замолкают.

Внезапно мы оказываемся в полной тишине. Или это я ничего не слышу? Уши закладывает, как будто проваливаюсь в глубокий омут с головой и с поверхности воды не доносится ни одного звука. Я резко наклоняюсь и трясую головой, потом бью себя по ушам. Ко мне кидается напарник усача, молодой полицейский с яркими голубыми глазами. Я только и вижу эти мерцающие огоньки.

– Дина, вам плохо? Аптечку! Срочно!

Возле лица появляется дурно пахнущий предмет. Он словно выныривает из темноты. Запах бьет по ноздрям и по голове. Я действительно прихожу в себя, отодвигаю руку с ваткой, смоченной нашатырным спиртом, но полицейский упрямо сует ее мне под нос.

– Все! Все! Хватит! Я в норме!

– Дина, подумайте, может, ваша дочка захотела пойти в развлекательный центр? Где находится ближайший? – спрашивает девушка.

– Да, есть такой. И как я раньше не сообразила!

На расстоянии остановки от дома – большой торговый центр, в котором расположен детский «Фиеста-парк». Мы часто с Милашей бывали там.

Отправляемся туда – пусто. Сотрудники говорят, что не видели Милашу. Отдел игрушек – тоже ничего. Полицейские просят по громкой связи объявить о пропаже дочки. Мы ждем около получаса, но никто не откликается.

Оставляем номер телефона администрации и снова намазываем круги по району. Ну, не мог же маленький ребенок далеко уйти! Невольно в голову проникают мысли о краже. Я гоню их от себя, но они, как назойливые мухи, кружатся все быстрее и быстрее.

С телестанции начинают поступать первые сообщения. Я каждый раз вздрагиваю и пытаюсь вырвать телефон из руки девушки-репортера. Черт, я даже не знаю, как ее зовут! Ка-

жется, Катя. Так ее окликал оператор.

Но вся информация пока не имеет отношения к моему ребенку.

«О боже! Ты же милосердный! Помоги мне найти дочь! Пожалуйста!» – молюсь про себя я и думаю, думаю, но ничего не приходит в голову.

Мы в очередной раз делаем круг по району, проезжаем мимо моей остановки.

– Погодите! А если..., – внезапно озаряет меня.

– Что? Что-то вспомнили?

– Садик находится возле дома. Я обычно уезжаю на работу с этой остановки. Вдруг Милана решила поехать за мной.

– У-у-у! Это уже сложно.

Начинаем вычислять, какой транспорт ходит через эту остановку. Я махала дочери рукой из маршрутного такси. Она могла сесть в похожее.

Полицейские подходят к водителям такси, и те по рации передают информацию дальше по цепочке.

– Нужно ждать. Если кто-то из водителей видел в салоне ребенка без родителей, он обязан сообщить властям или, на крайний случай, в диспетчерскую. Все уже оповещены.

Ждать! Ждать! Как ждать? Я не могу просто так сидеть и ждать. Мечусь по остановке и опрашиваю прохожих. Одновременно в руках усаха и Кати звенят телефоны – все напряженно смотрят на них.

– Да? Есть! – глаза полицейского радостно сияют.

– Отлично! Просто отлично! – кричит Катя и поворачивается ко мне. – Милашу видели в сорок шестой маршрутке.

– Да, – подтверждает усач. – Девочка сидит в диспетчерской на конечной остановке. Сотрудники уже сообщили в полицию и в садик.

– А-а-а! – сердце, кажется, сейчас выпрыгнет из груди.

Тут и в моей руке вибрирует телефон. Мой рот кривится, пытаюсь выдавить из себя слова благодарности, но только реву в голос.

– Ладно тебе. Ладно! – усач хлопает меня по плечу. – Поехали за дочкой!

– Дина, я так рада, что все обошлось! – меня обняла девушка-репортер. – Мы поедем с вами. Нужно снять счастливое воссоединение мамы и дочки. Вы не против?

Я настолько счастлива, что соглашаюсь. Главное, Милаша нашлась. В дороге я немного прихожу в себя и звоню маме. Услышав, что внучка жива и здорова и скоро будет дома, мама всхлипывает:

– Дина, прости меня. Дина! – я едва различаю слова среди рыданий. – Дина! Я больше никогда... ни за что...

Мне бы сказать маме добрые слова, успокоить ее, но я еще зла. Если бы нее ее безответственность, разве пришлось бы пережить такие трудные часы?

– Мама, я пока не хочу с тобой говорить об этом! – заявляю я и отключаюсь.

– Зачем вы так жестко с матерью? – упрекает меня усач.

Он сидит рядом с синеглазым водителем и сейчас, повернувшись, неодобрительно смотрит на меня.

– Все будет хорошо. Мне просто надо прийти в себя.

– Дина, вы молоды, быстро переключитесь. Ваша дочка тоже скоро будет вспоминать свой побег из садика как приключение. А вот нам, старшему поколению, намного хуже приходится. Наверняка у мамы давление. Ее и без вашей обиды груз вины к земле клонит, а тут еще и вы. Позвоните ей, успокойте.

Но я позвонить не успеваю. Машина останавливается у небольшого дома из белого кирпича, и я забываю о намерении. Я выскакиваю из салона и несусь к входу.

Милаша сидит на стуле, скромно сложив на коленях ладшки. Ее милое личико красно от слез.

– Ма-ма! – с криком она бросается ко мне на шею. – Мамочка! Я больше так не буду! Я к тебе хотела!

Но я ничего не могу сказать. Просто иступленно целую дочку и обнимаю так, что, кажется, втисну ее в себя и не отпущу больше никогда.

– Дина, – меня кто-то трогает за плечо. Оборачиваюсь: Катя. – Мы поедem.

– Спасибо вам. Спасибо огромное! – я не знаю, как еще выразить свою благодарность, и просто кланяюсь.

– Ну, что вы! Не надо так! – отмахивается девушка.

– Ой, а вас видела по телевизору! – заявляет Милаша.

– Правда? Ты смотришь наш телеканал?

– Нет. Я смотрю «Карусель», «Мульт» и «Беби ТВ».

– Она ч-часто остается д-дома с бабушкой, а та смотрит новости, но, видимо, и з-запомнила вас, – поясняю я, заикаясь я от пережитого волнения и стресса. – К-катя, оставьте мне свой номер, я вам п-позвоню.

– Не надо звонить! Бог с ними, с этими знаменитостями и их грязными тайнами. У меня получился отличный репортаж. Можно я сегодня вечером пушу его в новостях?

– Да, конечно, – соглашаюсь я. – Спасибо огромное. И приходите в «Нефертити». Я вам обязательно сделаю отличный массаж, если, конечно, меня не выгонят к тому времени.

Мы смеемся: я сквозь слезы, а Катя просто от чистого сердца.

Я сажусь в машину. Полицейский-усач предлагает подбросить нас к дому. Он сообщает о находке в детский сад и в участок и отменяет все развернутые розыскные мероприятия.

Я расспрашиваю дочь.

– Скажи мне, пожалуйста, почему ты обманула бабушку и убежал из садика?

– Я к тебе хотела.

– Милаша, но такие вещи делать нельзя!

– Я больше не буду! Мне было страшно, – начинает плакать дочь, и я оставляю расспросы до более спокойного момента. Всем надо прийти в себя.

У подъезда прощаюсь с полицейскими. Уже вечер. Мы все

устали от переживаний и хотим отдохнуть, поэтому решаем заполнить протокол завтра.

Мы с Милашей идем домой. Я звоню в дверь. В груди ворочается чувство вины перед мамой, которая осталась в этой беде наедине с собой. Но на звонок никто не отвечает.

– Странно, – бормочу я, доставая из кармана ключи.

Я распахиваю дверь: на полу в прихожей лежит мама...

Глава 6

Я падаю на колени, трогаю щеку – теплая. Жива! Кровь отхлынула от лица от облегчения.

– Мамочка, что с тобой? – пытаюсь ее поднять, но голова запрокидывается назад.

– Бабуля, я боюсь! – плачет Милаша.

Быстрый взгляд назад: дочка испуганно жметя к дверям, по ее пухлым щекам катятся слезы.

– Милаша, дай мне телефон! – приказываю я и поворачиваюсь к маме: – Мама, пожалуйста, приди в себя!

Я легонько хлопаю ее по щекам. Если это простой обморок, мама очнется. Но все безрезультатно. В панике бросаюсь к аптечке, вываливаю содержимое на пол – нашатырного спирта нет.

– Ба-бу-ля, – воет сзади дочка.

– Телефон! Дай мне телефон!

Милаша наконец лезет в мою сумку и протягивает мобильник. Я звоню в скорую, отвечаю на вопросы, называю адрес.

Тут раздается сигнал мультиварки. Кидаюсь в кухню: в чаше – кашка для дочки. Даже в таком состоянии мама подумала о внучке. От осознания своей вины и беспомощности становится совсем невыносимо. Хочется выть и кричать, но рядом ребенок.

Я глубоко вдыхаю, чтобы остановить приступ истерики и еще больше не напугать дочь, и сажусь на пол. Милаша падает рядом со мной. Она дрожит. Я слышу, как стучат ее зубы.

В ожидании скорой кладу голову мамы к себе на колени. Ее бледное лицо вытянулось, щеки провалились, вокруг глаз и носа разлилась синева. Она часто, но поверхностно дышит. Другой рукой прижимаю к себе дочку.

– Тихо, тихо, – успокаиваю ее, а в голове бьется только одна мысль: «Только бы все было хорошо! Только бы все было хорошо!» Врачи вваливаются в квартиру вдвоем, отодвигают меня в сторону и занимаются мамой.

– Что случилось? – спрашивает низенький врач.

– Не знаю. Мы приехали, она лежит в коридоре.

– Сердечница? – спрашивает медик в синем костюме и вытаскивает портативный аппарат ЭКГ.

– Не жаловалась. Давление есть. Мама пьет по утрам таблетки.

– Что же вы! Вместе живете, а ничего о матери не знаете, – упрекает врач. Он внимательно следит за лентой ЭКГ, а потом переглядывается с напарником. – Забираем. Нужно везти в больницу. Срочно!

В этот момент мама открывает глаза. Мы кидаемся к ней.

– Мамочка, как ты? Что случилось? Мы пришли домой, а ты лежишь.

– Б-больно, – едва слышно сипит мама.

– Где у вас болит? Можете показать пальцем?

Мама пытается поднять руку, но она с гулким стуком падает на пол.

– Бабуля, у тебя что болит? – плачет Милаша, но я прижимаю ее к себе.

– Так, отойдите в сторону, – врач скорой наклоняется к маме.

Его лицо встревожено. Я ловлю каждое движение губ, ресниц, каждый взгляд, и увиденное приводит меня в ужас.

– Все плохо? – спрашиваю помертвевшими губами, но доктор сосредоточен на маме.

– Елена Андреевна, мы вас отвезем в городскую больницу. По словам вашей дочери, вы находились без сознания примерно полчаса. Это долго. Нужно обследоваться.

– А что показывает ЭКГ?

– Есть проблемы с сердцем, нужно лечиться.

– Инфаркт? – в ужасе спрашиваю я.

– Кардиологи разберутся, – тихо ответил врач. – Мне трудно сказать, но ЭКГ вашей мамы мне совсем не нравится.

Медики кладут маму на носилки и выходят из квартиры. Я хватаю сумку, телефон и дочь, и мы бежим следом за ними. Мама снова закрывает глаза, отключается, а дальше начинается кошмар.

– Иу-иу-иу— воет сирена скорой помощи.

Этот звук острой иглой ввинчивается в мозг. Кажется, ещё немного, и я завою от боли и переживаний. Слёзы катятся по лицу и падают, падают с подбородка на пухлую ручку

Милаши. Каждый раз дочка вздрагивает и судорожно цепляется за мои пальцы.

Ей страшно. От ужаса и у меня плавится душа.

Я, не отрываясь, смотрю на носилки, на которых в эту минуту умирает мама.

– Доктор, спасите ее, пожалуйста! – умоляю я.

– Не мешайте!

Врач реанимации с интервалами жмёт на пластиковый мешок, прикреплённый к кислородной маске, лежавшей на лице мамы, а второй медик ритмично давит на грудную клетку, выполняя непрямой массаж сердца. Нажимы такие частые и сильные, что кажется, будто сейчас треснут мамины рёбра.

Мне страшно. Я сжимаюсь. Хочется закрыть уши ладонями: боюсь услышать этот звук и сойти с ума.

– Осторожнее, пожалуйста! – бормочу почти в беспмятстве.

– Боюсь, не довезем, – сипит от усердия доктор и кричит: – Иваныч, долго ещё?

– Десять минут. Мы и без того идём по «зелёному коридору».

Коридор, какой коридор?

Я поднимаю глаза и смотрю в лобовое стекло: боковые покрыты плотной тонировкой. С бешеной скоростью навстречу несутся деревья и здания. Автомобили замедляют движение и жмутся, как воробьи, к тротуарам, пропуская желтую машину «Реанимации». Поворот, ещё один. Я даже слышу, как

скрипят шины по асфальту при резком торможении.

– Двадцать девять, тридцать..., – считает вслух доктор.

Он на мгновение замирает, пока его напарник сжимает мешок, вгоняя воздух в легкие мамы. Затем проверяет пульс на сонной артерии, и начинает счет снова.

– Мамочка, мне больно? – где-то на заднем плане плачет Милаша.

– Что? Почему?

Мгновенный взгляд на дочку: ее пальчики побелели: так сильно я сжимаю их.

– Прости, доченька, прости, – я притягиваю ее голову к груди, а слёзы капаят с новой силой на светлую макушку, но теперь уже от жалости к ребёнку.

Я плохая дочь и плохая мать!

– Мамочка, не плачь! Я больше никогда не буду так делать. Честно-честно!

– Солнышко, ты не виновата.

– Мне страшно.

– А ты смотри на меня.

– Мамочка, бабушка поправится?

– Все будет хорошо.

Я говорю, а сама прижимаю к себе дочку, как спасательную соломинку, словно эта крошка может защитить мое сердце от боли, и молюсь, молюсь про себя: «Господи Боже! Ты же милосердный! Пожалуйста, спаси мою маму! Накажи лучше меня!»

– Есть пульс! – силло выдыхает доктор.

Я вздрагиваю. Сердце вот-вот выскочит из груди. Внутри разгорается надежда.

– Чт-то? К-как?

– Сердцебиение восстановилось, – врач вытирает пот со лба, садится на кушетку рядом со мной и лезет в медицинскую сумку. Вытаскивает ампулу и шприц и смотрит на напарника: – Лёш, работай Амбой (*мешок Амбу – ручное устройство для выполнения искусственной вентиляции легких*), не останавливайся.

Чудо! С хрустом сцепляю пальцы в немой молитве. Я верю в чудо! Не может же мама умереть из-за обычной ссоры!

Не может! Нельзя! Я себе этого не прощу!

Последний разворот по кругу, и машина останавливается у подъезда приемного покоя. Нас уже ждут.

Врачи спрыгивают, вытаскивают носилки, которые мгновенно превращаются в каталку на колёсах, и бегут к зданию. Я подхватываю Милашу на руки и несусь за ними.

– Что у вас? – нас встречает медсестра.

– Сердечный приступ. Была кратковременная остановка дыхания. Проведена СЛР (*сердечно-легочная реанимация*). Введён один миллиграмм адреналина. Больная без сознания.

Всю информацию врач выкрикивает на ходу. Мы бежим следом.

– Опекун?

– Дочь. Сзади. Она расскажет, что случилось.

– Помогите переложить пациентку.

Каталку ставят рядом с кроватью, все дружно обступают ее.

– Раз, два, три...

Секунда, и мама уже лежит на кровати, окружённая медиками. Можно выдохнуть: теперь помогут.

– Хронические заболевания? – на ходу спрашивает у меня медсестра.

– У мамы? – бестолково мямлю я.

– А здесь есть ещё пациент?

– У мамы давление.

– Аллергия на препараты?

– Нет... Кажется... Не знаю, – слёзы с новой силой наполняют глаза. Я действительно не знаю эту информацию, отчего становится ещё хуже.

Эгоистка! Махровая эгоистка!

– Что у нас здесь?

Я оборачиваюсь. У кровати стоит молодой врач в очках. Он держит в руках узкий фонарик, приподнимает сначала одно веко, потом другое и светит на зрачки.

– Девушка, подвиньтесь.

Это мне? Сзади приближается медсестра и катит аппарат на колесиках.

– Подключать?

– Да, проверим сердечный ритм.

Медсестра делает ЭКГ.

– Дмитрий Владимирович, смотрите.

– Что? Что там? – кажется, что сердце сейчас остановится и у меня.

Врач не отвечает, обращается к другой медсестре.

– Света, поставь капельницу, – тут он называет незнакомое лекарство, – и пригласи кардиолога. Кто сегодня дежурит?

– Вихров.

Медики переглядываются. Доктор слушает маму и хмурится, ждет, пока Света сделает ЭКГ. Потом сравнивает две ленты: со скорой помощи и свою. Я замираю от волнения. Наконец он выпрямляется и задумчиво тербит подбородок.

– Опять Вихров? Он же хирург!

– На подмене. У Степанова жена рожает, – отвечает медсестра.

– О, нужно парня поздравить.

– Кого? Вихрова или Степанова?

– Степанова, конечно. Вихрова, кажется, – быстрый взгляд на маму, потом на меня, – поздравлять, кажется, не с чем: тяжелая предстоит смена.

Я слушаю ее и не понимаю, что происходит. Кто рожает? Почему рожает? Здесь лежит без сознания моя мама. Ей только что делали искусственное дыхание, а медики спокойно, как ни в чем ни бывало обсуждают незнакомого человека.

– Простите, что с мамой? – не выдерживаю я, когда доктор заканчивает осмотр и идет к столу.

– Это вы нам скажите, – усмехается доктор. – Что случилось?

– Моя дочь убежала из садика. Мы целый день ее разыскивали, а когда я вернулась домой, мама лежала на полу, – с трудом выжимаю я слова. – Я сразу вызвала скорую.

– Угу! Понятно. Света, собери анамнез у опекуна.

– Но мама... ей нужна помощь!

– Необходимая помощь ей была оказана в скорой. Сейчас ваша мама дышит самостоятельно, сердечные ритмы неровные, но смертельной опасности нет.

– Но почему у неё была остановка сердца?

– А вот это надо выяснить, но вы мешаете. Посадите девочку на стул, а сами идите к медсестре. Когда придёт кардиолог, он осмотрит пациентку, опишет ЭКГ, если нужно, направит на дообследование и поставит диагноз.

– А вы не можете?

– Девушка, я врач неотложки, а не специалист по сердечным болезням.

Вой сирены скорой помощи привлекает всеобщее внимание.

Через секунду в дверях показывается новая каталка. Медсестры и доктор бросаются встречать очередного пострадавшего. На каталках лежат перепачканные в крови люди. Светловолосая девушка неожиданно садится на каталке и кричит на одной ноте:

– Убери руки, коза! Не смей меня трогать!

– Больная, ложитесь! Вам нельзя волноваться.

Больше я не обращаю внимания на суету вокруг. Какое мне дело до чужих людей, когда мама осталась одна.

– Милаша, посиди здесь немного. Я посмотрю, как там бабушка.

Дочка согласно кивает. Жалость царапает сердце. Конечно, не нужно было ее брать с собой, но и оставить одного четырехлетнего ребёнка в пустой квартире я не могла. Все случилось так неожиданно. В наш уютный мирок трёх женщин ворвалась беда. А все виноват мой длинный язык!

Не обращая больше внимания на суету вокруг, я сажусь возле мамы и смотрю на ее бледное лицо с прозрачной, как рисовая бумага, кожей. Ищу признаки жизни, но их нет. Раскаяние просто душит меня. Хочется выбежать на улицу и выпустить боль в воздух.

Мама тронула мою ладонь пальцами. Я радостно вскидываю глаза: она смотрит на меня уплывающим взглядом. Ее сухие губы шевелятся.

– Мамочка, молчи, не разговаривай, – растягиваю рот, пытаюсь приободрить ее, но губы трясутся, и улыбка получается кривой. – Сейчас придёт доктор.

– Б-больно..., Дина.

– Ох! Кто-нибудь! – я вскакиваю. – Мама пришла в себя. Ей больно!

– Ждите кардиолога! – кричит издалека врач.

– Да где же он?

Я выхожу из ординаторской, зевая во весь рот, и бреду по темному коридору. Больные спят, только дежурному врачу отдыхать некогда.

У поста сидит медсестра, высокая и крупная женщина, надежда кардиологов. Она так давно работает в отделении, что, кажется, сама без врача может поставить диагноз больному и оказать первую помощь.

– Нина Андреевна, что в неотложке? Серьезно?

– Не знаю, – медсестра отрывает глаза от телевизора, по которому смотрит вечерние новости. – Сообщили только, что первая помощь оказана, нужен кардиолог. Если что, места в отделении есть.

– Что-то интересное? – спрашиваю я, кивая в сторону телевизора: так не хочется спускаться в суматоху неотложки!

Звук приглушен, на экране мелькают какие-то люди. Вот мечется светловолосая девушка с короткой стрижкой. Ее лицо перекошено ужасом, она в панике. Камера выхватывает то ее глаза, наполненные слезами, то искривленный в крике рот.

Следующий кадр – репортер, которая о чем-то рассказывает. Потом появляется девочка. Она бросается в объятия блондинки, а та иступленно целует малышку.

Нина Андреевна улыбается и смотрит на меня. У нее ка-

кое-то просветленное лицо.

– Представляешь, девочка сбежала из детского сада. Весь день ее разыскивали и нашли. Даже не верится, что так дружно сработало телевидение и полиция.

– А понятно. Ну, я пошел.

– Давай! – медсестра поднимает вверх кулак. – Удачи.

Я вызываю лифт, спускаюсь и издалека вижу ту девушку, которая только что мелькала на экране телевизора. Удивленно качаю головой: надо же! Оглядываю неотложку: на стуле у стола приемной медсестры сидит и девочка. Я запомнил ее по яркому бомберу с портретом Русалки на груди.

Блондинка нервно вскакивает с места и кричит:

– Где же кардиолог?

– Я здесь.

Она оборачивается: покрасневшие от слез глаза в упор смотрят на меня. Я даже не вижу, какого они цвета, настолько расширены зрачки. Женщина измотана. Еще бы: целый день занималась поисками дочери, а тут и маме плохо стало. Не каждый человек выдержит такое испытание.

– Пожалуйста, доктор, спасите мою маму, – она бросается ко мне, сложив в мольбе руки.

Я недовольно хмурюсь, хорошо, что под маской не видна моя гримаса. Не люблю, когда всякие истеричные особы лезут под руку. Занималась бы лучше ребенком, чтобы он опять какой-нибудь номер не выкинул.

– Девушка, не паникуйте. Отойдите! – говорю, возможно,

резко, но и нянчиться с ней мне недосуг.

Я сажусь на стул рядом с кроватью пациентки. Она выглядит плохо. Дыхание поверхностное, губы тронуты синевой. Женщина в сознании, но взгляд блуждает по сторонам, словно ищет кого-то. Вот он натывается на лицо дочери, ресницы вздрагивают. Плохо дело. Женщина совсем слаба.

– Я вас сейчас послушаю, – говорю ей, доставая стетоскоп из кармана. Она едва заметно кивает.

Расстегиваю блузку и подношу стетоскоп к ее груди.

– Евгений Михайлович! Там...

Оборачиваюсь на крик: из другого конца приёмного покоя ко мне бежит медсестра Света. Ее глаза круглые от ужаса, губы трясутся, лицо перекошено.

– Что случилось?

Моя рука замирает, не успев коснуться кожи пациентки.

– Там... там...

Я смотрю в том направлении. Палец Светы показывает на каталку, на которой лежит девушка-блондинка. Ее одежда перепачкана кровью, руки бессильно болтаются, как у сложенной куклы.

– Раз, два, три...

Медики поднимают ее, чтобы переложить на кровать, голова девушки запрокидывается, длинные локоны падают и открывают юное лицо.

– Лялька! Нет! – я мгновенно забываю о больной и срываюсь с места.

Глава 7

От такого поведения врача я на мгновение замираю. Что происходит? Почему? Моей маме плохо, а этот придурок убегает к какой-то Ляльке! Растерянность меняется негодованием и злостью.

И тут меня прорывает.

– А-а-а! – кричу я, вне себя от злости.

Все неудачи сегодняшнего дня выливаются в этот безумный крик. Вижу краем глаза, как поднимают головы медики, как испуганно оглядывается доктор Вихров, но танк, по имени Дина, уже не остановить.

Словно безумная бросаюсь следом за этим грубияном. Обгоняю его и врезаюсь с размаху, расставив руки, как курица крылья:

– Не пущу! Только через мой труп! Сначала моя мама.

– Больная на голову, что ли? – Вихров отталкивает меня в сторону и бежит к пациентке на каталке.

Отчаяние лишает меня страха. Мне надо его остановить. Иначе... я больше его никогда не увижу. Я бросаюсь на него со спины, хватаюсь за шею, подпрыгиваю и облепляю ногами талию.

– Гад! Сволочь! Я тебя урою! Только посмей уйти!

– Отстань от меня, липучка!

Он легко скидывает меня со спины. Я больно падаю на

пол. Отчаяние переполняет меня. Сквозь пелену слез я вижу, как он наклоняется к каталке и шепчет:

– Лялька! Как же так? Лялька.

Но и я не сдаюсь. Снова поднимаюсь на ноги, не чувствуя боли, и несусь за ним. Хватаю его за талию и тяну на себя. Ко мне бегут его коллеги. Они уже пришли в себя от неожиданности и уцепились за меня, но я держусь так крепко, как могу, и шиплю прямо ему в ухо:

– Сначала моя мама, потом все остальное.

– Вызовите охрану! Уберите от меня эту сумасшедшую!

Сзади ему под ноги кидается Милаша.

– Не трогай мою маму!

Кто-то подхватывает дочку на руки, но она визжит так, что закладывает уши.

– Там... моя жена, – хрипит Вихров, слегка придушенный моими руками.

– А мне плевать! Ей уже помогают, а мою маму можешь спасти только ты.

– Пусти меня, или я сдам тебя в полицию!

– Попробуй только! Я скажу, что ты отказываешься выполнять врачебный долг, – кричу я ему в спину.

– Ладно. Ты меня достала! Отвезите пациентку на КТ! – приказывает он медсестре.

– Хорошо, Евгений Михайлович.

Доктор цепляется за мои пальцы и пытается оторвать их от своего халата, но я держусь крепко. Тогда он расстегива-

ет халат, и тот остается у меня в руках. Оттого, что тяжесть внезапно исчезла, я снова чуть не падаю на пол.

– Я сейчас приду, – чеканит он слова, глядя на меня в упор. – Только посмотрю, в каком состоянии моя жена. Довольна, стерва?

Я от злости скриплю зубами и яростно кидаю халат на пол. С трудом сдерживаюсь, чтобы его не растоптать. Не отрываясь смотрю врачу в глаза. Суровый взгляд серых глаз из-под насупленных бровей сверлит меня. Я тоже не сдаюсь.

– Попробуй только не приди, придурок!

– Ах, ты!

– Что я?

Иду на него грудью, а в голове мелькают VIP-персоны, к которым я могу обратиться за помощью, чтобы наказать этого докторишку.

– Сказал же приду! – пасует перед моей яростью доктор. – Сразу, как сделают КТ.

«Ну и грубиян!» – не к месту мелькает мысль. Точно. Хам! Резкие слова кардиолога задевают. В душе закипает злость. С языка уже готова сорваться колкость, но я держусь: одной вспышки на сегодняшний вечер достаточно.

Неизвестно, сколько секунд длилась бы эта война взглядами и словами, если бы не Милаша.

– Мамочка, я есть хочу, – слышу я хныкающий голос дочки и наконец прихожу в себя.

Что это было? Неужели я способна на такие безумные по-

ступки? Или именно этот человек будит во мне низменные страсти? Я отворачиваюсь и тороплюсь к кровати мамы.

– Пойдем к бабушке. У меня в сумке есть печенье. Хочешь?

– Да.

Мама тяжело дышит, но в сознании. Одна рука ее лежит на груди.

– Мамочка, как ты?

– Ди-на! Что ты устроила?

– Мамочка, не время сейчас разводить сантименты. Тебе помощь нужна. Еще болит?

Мама устало закрывает глаза, но руку с груди не убирает. Ее лицо перекашивает гримаса боли. Я где-то читала, что сердце не болит, а давит, жмет, отдает в лопатку и в плечо. Может, проблема в другом?

– Мама, смотри на меня, – прошу ее. – Разговаривай со мной. Тебя сейчас повезут на КТ (компьютерная томография). Где у тебя болит?

– Везде, – едва слышно выдавливает мама.

Я вижу, как из-под опущенных ресниц выкатывается слеза и стекает по щеке. Мои глаза тоже наполняются влагой. Мне плохо. Так плохо, что я бы с удовольствием взяла мамину боль на себя. Путь лучше мне будет худо, чем моим родным.

Подбегает медсестра Светлана, отсоединяет провода и берется за спинку кровати.

– Штатив капельницы несите, – приказывает она мне и

смотрит так злобно, что у меня мурашки бегут по спине.

– А маме прямо с капельницей КТ делать будут? Может, нужно вытащить из вены иглу?

– Вас не спросили! – грубо ответила девушка. – Устроили тут балаган! У хирурга жену в тяжелом состоянии привезли, а вы даже взглянуть на нее не даете. Вы бы разве не побежали сразу к родному человеку?

– Я слышала, как эта блондинка медиков материла, – парирую я, но чувствую, как краснеют щеки: мне стыдно.

Приступ ярости прошел, мама дышит часто, но в сознании. Помощь ей оказали, и угрозы для жизни в данный момент нет. Вдруг я и правда зря сорвалась?

Я не лучше этого доктора Вихрова. Сегодня днем сделала то же самое: когда позвонили из садика, сорвалась и бросила в кабинете клиентку. Память тут же услужливо подсказала, что я оттолкнула блондинку, а та, кажется, упала. Черт, одни блондинки на пути попадаются!

«Но она же не находилась при смерти», – оправдываю свой поступок. Весь день крутилась, даже на работу не позвонила. О боже! Надо же как-то теперь оправдываться!

Мы идем в сторону отделение рентгенологии. Милаша спрыгивает со стула и цепляется за мою руку. Что со мной сегодня творится? Я постоянно забываю о дочери. Уже десятый час, поздно. Ребенок еще не ужинал, устал и хочет спать. Слезы текут не останавливаясь. Я подхватываю дочку на руки и прижимаю к себе.

– Мамочка не плачь, – всхлипывает Милаша. – Я больше так не буд-у-у-у...

– Прости меня, доченька, прости! Потерпи еще немного.

Перед процедурой прибегает кардиолог. У него нервно подергивается глаз. Маска висит на подбородке, открывая застывшее, словно мраморное лицо. Глубокие носогубные складки подсказывают мне, что доктору около тридцати лет.

Вихров начинает задавать маме вопросы, но частит скороговоркой. Я вижу, что он торопится, и дышу часто, считая про себя: «Раз, два, три...» Лишь бы опять не сорваться!

– Мама говорит, что ей очень больно, – вмешиваюсь я. – Нельзя дать ей обезболивающие?

– Пока не могу. Лекарство исказит картину болезни.

– Но это жестоко! Сколько ей еще терпеть! – все же завожусь я.

– Выведите кто-нибудь опекуна! Немедленно! – рывкает Вихров.

Меня выталкивают в коридор.

– Скажите, сколько времени идет процедура?

– Полчаса. Идите, погуляйте. Займитесь дочкой, – Светлана закрывается перед моим носом дверь.

Я нахожу в холле автоматы. Беру себе кофе, а Милаше горячий шоколад, чипсы и пачку печенья. Придется сегодня перебиться такой едой. Невольно вспоминаю вкусную кашу, оставшуюся на подогреве в мультиварке, и сердце опять щемит от горя и ненависти к себе и несдержанному языку.

Милашу, кажется, такой ужин вполне устраивает. Она сидит возле стола медсестры, болтает ногами, ест чипсы и прихлебывает шоколад. Она уже забыла дневное приключение и с любопытством оглядывается вокруг.

Суету в коридоре я вижу издали. Сначала бежит Светлана. Она бросается к телефону.

– У нас срочный пациент. Кто сегодня анестезиолог? – пауза. Я внутренне сжимаюсь от страха, но боюсь даже спросить, что случилось. – Позови ее, – пауза. – Елена Сергеевна, у нас срочный пациент, откройте операционную, пожалуйста!

Лялька в неотложке! Моя Лялька! А эта истеричная коза загораживает мне дорогу. Так и хочется треснуть ее хорошенько, чтобы пришла в себя. Да, ее мать в тяжелом состоянии, но две минуты не играют никакой роли.

Я смотрю поверх головы опекуна и пытаюсь понять, как там жена. Вижу только, что она лежит неподвижно, хотя минуту назад кричала на медсестру. Что случилось? Как Лялька оказалась здесь? Сердце от волнения сходит с ума. А тут еще эта лезет!

– Евгений Михайлович, мы справимся! – кричит мне Федор, врач неотложки.

«Да, конечно! Справитесь вы!» – лезет непрощенная мысль. Парень – интерн, еще не стал полноценным врачом, доверия нет.

Я хватаю дочь пациентки за плечи и хорошенько встряхи-

ваю.

– Ладно. Ты меня достала!

Ее голова трясется, как груша. Светлые волосы то падают на лицо, то откидываются назад. В глазах безумный блеск. Она отчаялась, а человек в таком состоянии готов на все.

– Света, везите больную на КТ. Я сейчас приду.

Девушка, кажется, меня не понимает. Я встряхиваю ее еще раз.

– Только попробуй не приди! – шипит она мне в лицо.

Не женщина, а фурия, мегера и Медуза-Горгона в одном лице. Приехала в больницу с ребенком, значит, оставить дома не с кем. Точно! Никакой мужик такую стерву не выдержит!

– Сказал же, приду!

Я наконец избавляюсь от опекуна и бегу к каталке. Лялька лежит, запрокинув голову, и что-то бессвязно бормочет.

– Что с ней? Авария? – мой голос дрожит от страха.

В голове сразу всплывают воспоминания о прошлой ситуации, которая закончилась тампонадой сердца. Я хватаю стетоскоп и прикладываю его к груди жены. Облегченно выдыхаю: тоны сердца ровные, дыхание ритмичное, частота вдоха и выдоха одинаковые.

В этот момент Лялька хватается меня за руку. Ее глаза открыты, но остановившийся взгляд голубых глаз ничего не выражает. Она выглядит, как сломанная фарфоровая кукла.

– Ляля, дорогая, как ты?

Ее рука приподнимается и снова падает, ударяясь о край кровати. Я вскрикиваю, хватаю ее ладонь и дую на нее, делаю так, как в детстве успокаивала мою боль мама. Но жена, кажется, даже не заметила, что ударилась. Она опять безучастна.

Я наклоняюсь и обоняю запах алкоголя, напрягаюсь, но тут же вспоминаю, что сам, идиот, разрешил сходить Ляльке в клуб.

– Евгений Михайлович, это не авария, – отвечает мне Федор и замолкает, словно не решается продолжить.

– Говори уже!

– Медики скорой сказали, что забрали этих девиц, – он показывает рукой на соседнюю кровать, где лежит Карина, подруга Ляльки, – они забрали в клубе. Скорую помощь вызвал официант, обнаружив девушек в таком состоянии, когда принес напитки.

Я приглядываюсь: одежда жены, светлые брюки и блузка, в красных пятнах.

– Но почему они в крови? Какие повреждения?

– Понимаете...

– Слушай, я тебя сейчас стукну! – не выдерживаю я.

– Евгений Михайлович, может, вы займетесь сердечницей? – вдруг предлагает Федор, ловко уходя от ответа. – Ваша жена под контролем. Почему она в таком состоянии, мы разберемся, не волнуйтесь. Светлана уже взяла кровь на анализ.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.